

БОЙ НА КУШКЕ
и
его 25-летний юбилей
18/III 1885 — 18/III 1910 г.

ВОЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Генер. Штаба Полков. А. Д. ШЕМАНСКАГО,
читанное в г.г. Ташкенте, Мерве, Асхабаде и кр. Кушке в 1904 г. (Действ. член И. Р. В. И. Общ.).
С планом боя, и др. приложениями.
(Исключительно по архивным материалам).

КОМИССИОНЕР ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ С.-Петербург, Колокольная 14.
1910.

От автора.

Да не посетуют читатели, что мы слишком налегли на обрисовку событий, предшествовавших бою — это совершенно необходимо для уразумения смысла события на р. Кушке 18 марта 1885 г., одного из весьма громких эпизодов нашей истории в XIX веке и в истории нашей работы в Средней Азии. Наши задачи там остаются неизменными с XVI века: открытие прямой, свободной и безопасной от соседей торговли с Индией, с "богатой Индией" наших былин. На почве улажения добрососедских отношений в Средней Азии, "не мытьем—так катаньем", и случались все наши боевые столкновения в Средней Азии, до Кушкинского боя, включительно. Они возможны и впредь, если Англия и Авганистан не пойдут навстречу нашим историческим стремлениям и потребностям в этих краях.

А. Шеманский.

Бой на р. Кушке у Таш-Кепри.
18 марта 1885 года.
(Военное сообщение в память 19-й и 25-й годовщин
боя).¹

1. Бой — как эпизод международного разграничения.

Среди глубокого мира, в марте 1885 года, свет был взволнован следующим донесением русского генерала:

"Полная победа еще раз покрыла громкой славой войска Государя Императора в Средней Азии. Нахальство авганцев вынудило меня, для поддержания чести и достоинства России, атаковать 18 марта сильно-укрепленные позиции на обоих берегах р. Кушки... Авганский отряд регулярных войск, силою в 4 т. человек при 8-ми орудиях разбит и рассеян, потерял более 500 человек убитыми, всю артиллерию, два знамени, весь лагерь, обоз, запасы... Английские офицеры, руководившие действиями авганцев, просили нашего покровительства; к сожалению посланный мною [6] конвой не догнал их. Они были, вероятно, увлечены бежавшей авганской конницей".

Так доносил Военному Министру, для доклада Государю Александру III-му, г.-л. Александр Виссарионович Комаров, бывший тогда Начальником Закаспийской области и Командующим войсками, в ней расположенными.

Россия не вела никакой войны в то время, и бой этот, как бы свалившийся с неба, был лишь одним из эпизодов разграничения, происходившего между нами и Авганистаном в Закаспийском крае, на пространстве между р. Аму-Дарьей и Персией, подобно тому, как позже, в девяностых годах, кровавые стычки сопровождали установление нашей границы с этим государством на Памирах.

2. План исследования.

Ответ, посланный из Петербурга Генералу Комарову на его донесение, прекрасно характеризует

Царя-Миротворца, истинного выразителя миролюбия русского народа:

"Государь Император шлет свое Царское спасибо Вашему Превосходительству (и всем чинам) храброго (Мургабскаго) отряда за блестящее дело 18-го марта, повелел представить наиболее отличившихся офицеров к наградам, а нижним чинам жалует 50 знаков отличия военного ордена. Вместе

с сим Его Величеству благоугодно знать в подробности причины, побудившие Вас поступить вопреки переданному Вам повелению: всеми силами воздерживаться от кровопролитного столкновения".

Так-ли просто, скромно — хотя и с должной величавостью — ответил-бы монарх другой, более [7] воинственной, кровожадной державы на донесение своего генерала о столь ослепительном военном успехе.

Иначе говоря, Царь спрашивал:

— Да нужен-ли был этот бой, т. е. поскольку был он целесообразен".

Этим по истине Царственным вопросом, задаваемым и наукой прежде всего и о всяком бое, начнем и мы наше исследование. Затем разберем, как был веден этот бой, т. е. сколько проявлено было противниками военного искусства. Какое влияние оказал он на ход разграничения и последующая авгано-англо-русские отношения. Наконец, попытаемся построить выводы из этого еще свежего опыта нашей политики и военного искусства на Средне-Азиатском фронте.

Очевидно, нельзя ответить на вопрос: "целесообразен-ли был бой" — не разобрав всех перипетий того разграничения, составной частью которого он был. Разграничение-же соседних государств есть акт деятельности их политики, которая употребляет вооруженную силу, только как последнее, крайнее свое средство. С другой стороны, бой есть также крайнее средство в руках военных. Таким образом вопрос о "целесообразности" боя решится разбором того, насколько было действительно для русской политики выдвигать на сцену "разграничения" вооруженную силу, — и насколько неизбежно было для нашей стратегии вступление в этот бой.

3. Работа политики.

Разгром Скобелевым Ахал-теке в 1881 году решил безповоротно участь и остальной Свободной Туркмении, простиравшейся на север от наших Ахальских и Хивинских владений, на восток до Аму-Дарьи, на ю. до Авганистана и на з. до Персии. Она [8] состояла из четырех частей: Атека и Мерва (у низовьев р.р. Теджена и Мургаба), населенных текинцами; земель племени Солор вверх по р. Теджену, почти до гребня Гератских гор, и земель Сарыков, вверх по Мургабу (от Мерва) до верхнего его течения и вверх по его притокам — Кушку и Кайсору, до половины их течения. — Эрсаринцы же, по левому берегу Аму-Дарьи, вверх от Ходжа-Салеха (и Хивы), подчинялись уже нам, вместе с Бухарой.

Атек — не имевший вовсе сложившейся общественной организации, слабо населенный пестрой смесью туркменских племен, был присоединен нами совершенно мирно. МERV стал нашим 5 марта 1884 года после долгого колебания и междоусобной борьбы партий "русской" и другой, руководимой индийцем Сиа-Пушем, таинственной личностью, захваченной нами и явившийся, очевидно, стараниями наших политических соперников в этих краях.

Солоры, самое слабое из племен, сильно терпевшее от остальных племен туркмен, уже на 10-й день по взятии нами Геок-Тепе прислало депутатов в стан Скобелева, объявив себя русско-подданными. Теперь с умиротворением края они спешили вернуться в долину р. Теджена, на свои пепелища из Мерва и Персии, куда выбежали или куда были угнаны.

Сарыки, жившие в двух группах — Елатанской, на юге Мерва, и Пендинской, разделенной от первой широкой полосой брошенных земель по Среднему Мургабу, тоже склонились на нашу сторону, причем Елатанцы приняли подданство вслед² за Мервцами, весной 1884 года, а Пендинцы еще вели об этом переговоры через начальника Мервского округа, подполковника Алиханова. Они говорили: "оба сарыка Иолтан и Пенде — [9] хотят быть нераздельны, хотят подчиняться одной власти, и никакой другой, кроме русской." Сарыки треть века назад были вытеснены из Мерва текинцами, и между последними и пендинцами продолжалась вражда почти вплоть до появления на Мургабе русских. Вражда эта заставляла пендинцев отгонять свои стада па пастбища Авганистана с платой за это аренды. Пендинцы были не только вполне свободны от

Авганистана, но даже и аренду вносили в зависимости от степени дружелюбия своего настроения к авганцам. В зависимости от этого поверенный эмира, собиравший с Сарыков аренду, проживал или между ними или бежал в ближайшую авганскую крепость Баламургаб или Меручак. С умиротворением Мерва, пендинцы стали гонять свои стада в сторону нашу на свои прежние пастбища и перестали нуждаться в авганских. А пустынный участок Мургабской долины, разделявший Иолатанских сарыков от Пендинских, стал быстро заполняться полями и кочевьями обеих стран, фактически сливая это племя в одно.

К югу от этих племен, считая от Аму-Дарьи, жили племена, бывшие уже в некоторой зависимости от Авганистана: узбеки, хезарейцы, фирузкуи и джемшиды, причем страна последних, особенно западный ее край, сильно пострадала от долговременных туркменских набегов и авганского хозяйничанья — селения, заносимые здесь на карту, были только именами развалин их. Только надписи на камнях кладбищ обозначали, что в 1650, 1750 годах здесь обитали узбеки и хезарейцы. Местность, в общем (от Теджена до Аму-Дарьи), представляла из себя пустыню-равнину сыпучих песков ("кум") на север, и горную страну на юге, отчасти из холмов окрепшаго песку или глины, отчасти [10] из более твердых ребер Гиндукушского хребта, выставлявшихся там и сям из-под рыхлаго покрова. Население и культура ютились лишь по узким лентам р.р. Аму-Дарьи, Мургаба, Теджена... Прочее пространство представляло пастбища, цветущия только в краткий период весны. Колодцы и родники были здесь на перечет, зачастую лишь в виде теплых серных и соляных вод. Здесь раскинута была сеть аламанных троп, выводивших туркменская шайки до Сеистана и Персидского моря...

Точной границы между свободной Туркменией и Авганистаном не существовало — это был извилистый условный рубеж, за который ни авганец, ни перс не смели, по большей части, показывать носа, хотя были и места общего пользования, например, впадины с богатыми соляными ломками — Ёр-Ойлан. Но и здесь ни одна авганская партия не смела выглянуть из за холма, пока не уходил Туркменский караван. "Так шакалы ждут вдали от падали, пока ею лакомится гиена". Сам авганский эмир не знал здесь в точности предела своих земель.

Россия, сломив туркмен и прекратив почти вовсе их аламань, нарушила сложившееся искони здесь политическое равновесие соседних племен, и недавние трусы — персы и авганцы — неудержимо ринулись захватывать завоеванные туркменами пространства, а где можно, то и пытаться наложить руку на самих туркмен, из длани которых России вынула страшный для них "клыч" (шашка). Но сделав это, Россия взяла на себя право и обязанность защиты туркменских интересов. А им грозила опасность. Авганские стада стали смело переваливать из Гератской долины на северный "солорский" склон гор, авганские пограничные караулы поползли вниз по Теджену и потокам [11] Мургабской системы, а авганские власти стали стремиться обратить пендинскую временную аренду в подать, а своего сборщика аренды в Пенде — в правителя этого округа.

Все это день от дня искажало южный рубеж Свободной Туркмении и не могло не беспокоить нас, нового ее законного и желаемого населением хозяина, при чем вопрос здесь заключался не столько в потере того или другого клочка земли, а в том, что эти захваты подрывали наш престиж у впечатлительных обитателей Средней Азии от Каспия до Кашгара и от Хивы до Индии, а в особенности у наших новых подданных туркмен, передавших свое грозное для нахальных соседей оружие в русскую мощную длань.

Выходом из этого положения — с честью — было лишь разграничение с неременным удалением дерзких захватчиков, хотя-бы силою.

Наши местные власти, которым непосредственно приходилось считаться с неопределенностью положения на границе, просили скорейшаго разграничения наших Закаспийских владений с Персией и Авганистаном.

Первую часть потребности наша дипломатия удовлетворила весьма энергично и быстро: запретив персам развивать их пограничные поселения дальше известного рубежа и предела, дабы обезпечить туркменам приток воды с персидских гор в их знойные степи, назначила комиссаров для разбора пограничных недоразумений, и если не спеша ставила пограничные столбы, то просто уважая самолюбие шаха, считавшаго, по пережитку бывшего персидского величия, многия из отходивших к нам земель, старинным достоянием Персии. Англии же, пытавшейся вмешаться в это дело, мы резко отвечали, что это наше домашнее дело. [12]

Но с авганским разграничением дело не двигалось, будто что мешало нашей дипломатии. Действительно, в 1872 — 73 годах, в пору блестящих наших боевых успехов в Туркестане и Хиве, мы столь умилились душой, что почли священной своей обязанностью уверить Англию в неимении каких-либо видов на Индию, разсеять у ней неисправимый предрассудок на этот счет, в доказательство чего торжественно обещали не делать никаких ни политических, ни стратегических шагов к стороне Авганистана без ведома Англии. Даже больше, обещали считать Авганистан столь же покорным и безгласным вассалом в руках Англии, каким была у нас Бухара. Мало того, совершенно не зная страны между Дарьей и Тедженом, мы согласились, чтобы будущая северная граница Авганистана простиралась от окрестностей Ходжа-Салеха до окрестностей Серахса.

Со времени этого соглашения обстоятельства сильно изменились. Авганистан пытался опереться на Русскую руку и нажил за эту войну с Англией, принудившую его согласиться на некоторое вмешательство Англии в свои дела, хотя и за плату. Роль Англии в Русско-Турецкой войне заставила нас снова бредить походом на Индию, даже собирать в Туркестане войска на этот конец и рекогносцировать офицерами генерального штаба пути из Бухары в Герат и к Гиндукушским перевалом.

Но время снова смирило наше расхолодавшееся сердце. а блеск Геок-Тепе, занятие Мерва с Иолотанью, Серахса и явное тяготение к нам южных остатков Свободной Туркмении — пендинцев, снова умилило наше славянское сердце и вернуло нас к прежнему добродушному и дружелюбному отношению к Англии, как увидим, весьма не надолго. [13]

Нуждаясь в разграничении с Авганистаном, мы решили совершенно игнорировать Авганистан — это болезненно-самолюбивое, как Япония, государство, достаточно самостоятельное, и при таком еще правителе, как Абдурахман, решили остаться верными соглашению 1872 — 73 годов и вести разграничение не с ним, а только с Англией.

Но чтобы не будить у последней старых предрассудков о наших "поступательных шагах к Индии", мы решили ждать, пока сами англичане заговорят о разграничении. Наконец, наше знакомство со страной открыло нам глаза на то, что с. грань Авганистана, а стало быть и рубеж покорившейся нам Южной Туркмении лежит много южнее прямой линии Серахс-Салех, и это открытие не мало смущало наших дипломатов. И вот на настойчивые запросы местных властей, недоумевавших над непонятной затяжкой авганского разграничения, бывший тогда министром Гирс отвечал:

"Я не счел удобным спешить предъявлением Лондонскому кабинету наших предложений и признал более удобным выждать заявлений с его стороны"... потому, говорит он дальше, "что я нисколько не скрывал от себя затруднений, с коими будет сопряжено удовлетворительное решение предстоявшей мне задачи, источник коих заключается в присущих англичанам предубеждениях... Только на днях выяснился до известной степени взгляд Лондонского кабинета на этот вопрос"... после чего Гирс согласился на разграничение, проявив самую широкую уступчивость англичанам, чтобы уничтожить последнюю тень подозрения у Англии в агрессивности наших намерений относительно Индии.

Мы согласились верить разграничение двум [14] делегатам: Генералу сэру Питеру Лемсдену и генералу Зеленому, и с неподдельным негодованием отвергли (нота от 3 мая 1884 года) предложение Англии пригласить в комиссию делегата от Авганистана, видя в этом как бы испытание нашего доверия к Англии.

Представителя авганцев, вассальных Англии, мы были согласны терпеть только как эксперта — знатока местных дел. Мы откровенно поведали Англии желаемую для нас границу, проектированную на том основании, чтобы племя сарыков не дробилось, и что-бы земли солоров, сарыков и эрсаринцев не отсекались рубежом. А когда Англия отказалась уважить наше желание, то Гирс совершенно добродушно заключил, что это просто от малаго знакомства с этими краями англичан, и что, познакомявшись на месте с положением дел, они несомненно убедятся в справедливости и законности русских требований. Наконец, англичане отказались дать обоим делегатам согласованные по важнейшим вопросам программы, как это всегда делается, дабы не затягивать их переговоры бесплодными спорами. Англичане согласились только на следующее предписание комиссарам: "не взваливать на плечи эмира обязательств, которых он не сможет выполнить, и не прикасаться к землям, которые он считает своими, границу-же провести так, как она шла при эмире Шир-Али". Мы сперва согласились на все.

4. Военное течение политической мысли.

Однако не все наши сановники были согласны с этой уступчивостью.

На ход политики нашей в Средней Азии искони имели влияние, кроме Министерства Иностранных [15] дел, еще и наши высшие военные деятели на этой окраине в силу обширных своих полномочий.

Закаспийский край в это время составлял область, подчиненную Генерал-Губернатору и Командующему войсками на Кавказе. Должность эту занимал во время разграничения, разбираемого нами, с Авганистаном — Генерал-Адъютант Князь Александра Михайлович Дундуков-Корсаков, а начальником области и Командующим ея войсками, как я уже сказал, был генерал-лейтенант Александр Виссарионович Комаров.

Искони генералы наши, занимавшие подобные посты на Азиатской границе, вырабатывали свой самостоятельный взгляд на тамошнюю политику, с которым серьезно приходилось считаться правительству. Политические взгляды большинства генералов всегда почти носили характер большой смелости, решительности и прямоты. Это зависело, надо полагать, как от самого характера военного воспитания, так и от большого проникновения в обстановку, бывшую к ним ближе, чем к Петербургу.

Подтверждение сказанного мы найдем как по пути нашего исследования, так и в следующем характерном обобщении в книге "Внешняя политика России:³ "Наша Средне-азиатская политика, переходя в руки генерал-губернаторов, становилась все более и более решительной и основанною исключительно на интересах края и целой России".

Вывод этот, справедливый для Туркестана, подтверждается историей событий в Закаспийском крае. Следующия слова генерала Дундукова-Корсакова еще ярче оттеняют отношения двух течений этой [16] политики к государственным вопросам и друг к другу: "Колебания вообще в нашей политике, страх перед каждым осложнением — есть явление слишком обыденное в традициях Министерства Иностранных Дел. Но то же самое министерство с признательностью часто принимает совершившиеся факты (разумеется, осторожные и благоразумные), когда они не вызваны по инициативе бюрократических колебаний его канцелярии".

Но из слов этих было бы ошибочно заключить, что генералы являлись в те времена плохими исполнителями предначертаний министерства; критическое отношение к шагам нашей дипломатии обуславливалось только возложенной на них долей участия в политике — военные люди, как уже сказано, старались проводить в жизнь свои взгляды на эту политику, но отнюдь не "бунтовать". Так, после вышеприведенного порицания, г. Дундуков продолжает генералу Комарову: "Разумеется, все ваши действия будут согласованы как с указаниями министерства, так и с моими разъяснениями; при этом вы не можете сомневаться в содействии и опоре, которая вы всегда найдете во мне во всем, что будет касаться до достоинства Правительства и пользы Государства во вверенном вам крае".

И это были не завуалированные отзывы генерала о направлении нашей политики:

" — В этом смысле," — добавляет он: "я постоянно писал в Министерство Иностранных Дел, не стесняясь высказывать и т. п."

Все это мы говорим потому, что в разбираемых событиях разграничения с Авганистаном оба течения нашей Средне-Азиатской политики сыграли большие роли. Прикосновенность же к политике генералов сильно [17] отразилась и на их военных поступках, т. е. на их стратегии и даже на тактике.

Уступчивость, проявленная Министерством по отношению к Англии, вызвала целый поток возражений со стороны местного военного начальства и настойчивые усилия поправить дело.

Генерал Шепелев, состоявший при князе Дундукове, удивлялся, что мы, толкуя о подробностях разграничения, оставляем в тени коренной вопрос — на сколько полезно для нас вмешательство Англии, при полном игнорировании Авганистана, как полу-свободного государства. Он указывал на интересный факт, показывавший истинное, довольно мизерное, влияние англичан в этой стране. Английская печать горячо обсуждала вопрос, каким путем отправить из [18] Индии на с. Авганистана конвой пограничной комиссии, силою в 1 тысячу человек (200 пехоты, 200 конницы, и 600 человек вооруженной прислуги). Эмир снимал с себя всякую ответственность (!)⁴ за

безопасность конвоя от разбоев авганских племен и требовал, чтобы конвой не показывался в Герате. Ввиду таких обстоятельств, англичане полагали, что если бы не британская гордость, то следовало конвой направить из Индии, через Суец и русская владения; что если бы не пустынно́сть Южной Персии — то нужно бы направить конвой через нее. Наконец решили пробираться от Кветты почти по самой границе Персии, через Сеистан, обходя Герат и расположившись главным лагерем в Тирпуле, в двух шагах от Персидской границы, на торной дороге из Герата в Мешед. Мы очень рисковали, ставя Англию на первое место, сравнительно с Авганистаном, в затеваемом разграничении.

Генерал Дундуков высказывался еще решительнее. "Я не понимаю, говорил он, "белых перчаток", употребляемых нами в отношении по второстепенному вопросу о предстоящем разграничении. Я твердо убежден, что каково-бы ни было соглашение между Россией и Англией по вопросам о политическом влиянии или границах в Средней Азии, оно может быть при настоящих обстоятельствах, выгодным только Лондонскому кабинету... Теперь наше положение в Туркмении как нельзя более удобно: мы вправе пользоваться там полной свободой действий для упрочения нашего влияния, и убеждение в том со стороны соседних азиатских владетелей (Авганистана, Персии) заставило бы их быть уступчивее, подчиняться нашим требованиям для обеспечения спокойствия и интересов [19] наших новых подданных. С установлением же известного соглашения с Англией... мы не только утратили-бы политическое значение, которым пользуемся в Средней Азии, допустив — (на глазах всех) — вмешательство в наши действия посторонней державы, но создадим себе массу поводов к разным недоразумениям, который несомненно возникнут со стороны соседних с Туркменией азиатских государств, коль скоро оне убедятся в том, что английское правительство лишило нас прежнего значения и свободы действий... положением своего "veto" в вопросах чисто домашних — при определении нашей границы". Поэтому г. Дундуков смотрел на все дело Авганского разграничения с участием Англии как на столь для нас вредное, что от него стоило немедленно отказаться.

Генерал Зеленый отказывался ехать делегатом, если до посылки комиссии оба правительства не столкнутся по всем основным пунктам. Он требовал, чтобы оба делегата имели право "искать" границу, которая была при Шир-Али, исследуя широкую полосу местности, захватывавшую окраины Туркмении и Авганистана.

Он справедливо полагал, что если целый английский кабинет малейшим намеком на возможность уступки нам Пенде и на приближение нашей границы к Гератским горам — боится возбудить общественное негодование Англии, то невероятно, чтобы единый английский делегат рискнул это сделать. Отсутствие заранее определенной зоны исследования, по словам Зеленаго, приведет к тому, что английский делегат не пустит с помощью авганцев нашего делегата туда, где ему будут казаться бесспорными владения Авганистана. Тогда нам предстояла-бы диллема — или [20] подчиниться, отказавшись от единственно практического результата комиссии, или приступить к исследованию насильственному, рискуя кровавым столкновением с авганцами. С другой стороны, без определенной зоны исследования, при беззастенчивости и предприимчивости англичан, их делегат может, при невозможности столкнуться с нашим-единолично, пройти намеченную англичанами границу, чтобы отодвинуть наш рубеж возможно дальше от Герата, указать ее местному населению и побудить авганцев занять ее и отстаивать.

5. Ход дела во время переговоров о разграничении.

Все опасения военных сбылись, как по писаному.

При первых попытках дипломатов наших ввести поправки, рекомендованный военными, — хотя бы в механизм разграничения — Англия проявила необычайную поспешность, чтобы использовать выгодные условия, на которые мы сначала так опрометчиво согласились.

Еще наш делегат, (осенью 1884 года) не возвращался из отпуска, должен был знакомиться с делом в Тифлисе, ехать затем в С.-Петербург за инструкциями, рассчитывая попасть на границу месяцев через пять, по климатическим условиям — а уж английская комиссия выехала из Лондона на Одессу, Батум, Тифлис, Баку, Тегеран и Серахс прямо в Герат.

Еще вопрос о составе нашей комиссии, об организации ее транспорта, о величине ее конвоя, о маршруте следования — только намечался и тормозился перепиской о необходимости придать

комиссии хор военной музыки, "столь любимой азиатами," для воздействия на них... А конвой и транспорт английской комиссии [21] форсированными переходами маршировал из Кветты на границу Туркмении и занял лагерь южное дебуше на лучший перевал через Гератский хребет.

«Еще мы не заняли ни войсками, ни своими правительственными чиновниками новых своих владений Иолотани и Серахса, а уж авганцы ввели в Пенде (летом 1884 года) отряд в 200 солдат и двинули свои посты с гребня Гератских гор вниз по системе Теджена и Мургаба на земли солор и сарыков. Оскорбляя нашу дипломатию в самых возвышенных ее намерениях и чувствах, английские газеты, с "Times" во главе, открыто толковали, что Авганистану не столько нужна технически определенная граничная черта с Россией, сколько обладание некоторыми стратегическими пунктами по Теджену и Мургабу, вроде Пенде и Зюльфагара, что цель разграничения — лучше оградить эмира на случай нападения со стороны России. Беззастенчиво была опубликована английским правительством переписка лорда Риппона с Абдурахманом, где шла речь об увеличении эмирской субсидии на 10 т. ф. стерл., специально на содержание войск и усиление защиты с. з. границы против России. А в палате требовали еще большего увеличения английского конвоя комиссии для большого впечатления на туркмен и авганцев.

В то же время был обнаружен ряд новых английских интриг против нас в Персии, обнаружены происки англичан среди наших туркмен в Мерве и в Бухаре, куда явились из Герата два эмиссара Саид-Дост-Аким и Канариз. А начальник авганского отряда в Пенде Вали-Мухамед-Хан оказался стоящим во главе хорошо организованного шпионства в Закаспийском крае, сносясь с английским агентом в Герате, Мир-Таки-Ханом.

Лемсден при проезде через Тифлис (5 сентября [22] 1884 года) в беседе своей с генералами Дундуковым и Зеленым поразил их безмерной наглостью английских притязаний, уверяя, что Теджен только ниже Серахса выходит из Гератской провинции, и что сарыки Пенде больше 60-ти лет состоят данниками эмира. Особенно поразил генералов категоричностью своих заключений спутник Лемсдена — Стивен.

Проезжая по персидскому берегу мимо Серахса, Лемсден послал Стивена к генералу Комарову, случившемуся здесь, с объяснениями — "кто смел выставить казачий пост у Пули-Хатума".

Явившим в Герат, Лемсден перекинул значительную часть английского отряда через Гератские горы и занял Гюрлен, узел путей из Туркмении на лучшие перевалы в этих горах, добился перевода из Герата сюда до 1 ½ т. войск и побудил двух авганских ханов занять сильными постами проход Зюльфагарский и важнейший узел путей в этих краях — Акрабат. Затем он со свитой и частью конвоя обосновался в Бала-Мургабе и Пенде, побудил авганцев захватить передовыми постами долину Мургаба до Иолотани, выставить посты в долине Кушки и усилить пендинский отряд у Ак-Тепе. Не теряя золотого времени, Лемсден широко организовал съемку и исследование всей страны между Серахсом, Пенде и Гератом. Из опубликованных впоследствии отчетов видно, с какой полнотой и старательностью было произведено это исследование наших безспорных земель, даже не стесняясь это делать в тылу наших постов, выдвинутых вскоре в соприкосновение с авганскими до рубежа, давно намеченного нами своей границей в этих краях.

И это в то время, когда английское правительство проявляло необычайное упорство и несговорчивость с [23] нашим, а британские газеты трубили о пышном свидании эмира с вице-королем Индии и о формировании корпуса войск у Равальпинди.

6. Крутой поворот русской политики.

Тогда Государь Император, выведенный из терпения этими действиями англо-авганцев, повелел: "ни в чем им не уступать, наметить самим желательную для нас границу, занять ее войсками и подготовить все на случай разрыва нашего с Авганистаном и Англиею. Судите сами, насколько права была наша политика, приказав вооруженной силе выдвинуться на театр разграничения, где уже стояли передовые части противника.

Но задача, данная вооруженной силе, не удержалась в чистоте. К ней тотчас были добавлены оговорки, значительно связавшие руки и стратегии и тактики. Было приказано всеми силами избегать столкновения, запрещалось употреблять оружие без особого на то приказания, даже если противник откроет огонь первым. А при занятии войсками намеченной границы, пока не занимать Пенде, разве если пендинцы сами не прогонят авганцев или авганцы учинят в Пенде резню.

Дело в том, что относительно Пенде у нас в это время было принято важное решение. Считая его особенно желательным для эмира, мы справедливо полагали, что кровавое столкновение из-за него бросит Авганистан еще теснее в объятия Англии и еще шире раздвинет пропасть в наших добрососедских отношениях с ним. В таком случае, конечно, Пенде не стоило потери авганской дружбы. Но мысль эта убивала в корне предразсудок о том, что при разграничении — Авганистан должен считаться самостоятельным. [24]

Англию наша дипломатия поэтому осаживала на задний план, обращая из лица ответственного за всякое происшествие во время разграничения в благородного свидетеля этого разграничения, приглашенного авганцами. Нашим начальникам было приказано сноситься непосредственно с авганскими, игнорируя присутствие англичан. Вот почему, начав разграничение с Англией, мы очутились наедине лицом к лицу "на узкой дорожке" с вооруженной силой Авганистана, при чем не без удивления узнали от авганских начальников, что эмир приказал им лишь советоваться с англичанами. Как не похожи оказались авганцы на тех экспертов, без права голоса, которыми их приказало полагать на время разграничения наше Министерство Иностранных дел, тогда как на самом деле экспертами являлись англичане, самозванно себе присвоившие титул повелителей Авганистана.

Англичанам Государь приказал написать: "Авганцы не имеют никакого права не только на Зюльфагаре Акрабад, и Сараязы, но и на Пенде. Предпринимаемое нами наступление к пунктам этим вызвано захватом их авганцами. Занятых нами пунктов мы ни в каком случае не очистим, и если последуют со стороны Авганистана попытки враждебных действий, хотя-бы против наших сторожевых постов — мы будем их отражать силою".

Итак, Англия выставила авганские мишени, сама-же отошла в сторону ждать, что будет.

7. Работа стратегии и тактики.

Касаясь этого боя, обыкновенно выражают удивление, отчего мы не заняли Герат, отчего генерал Комаров на плечах бежавших авганцев не ворвался в этот пункт. [25]

Объяснение легко может быть найдено в том плане, который был начертан тогда для наших военных действий, одинаково обязательном как для крупных столкновений, так и для мелких стычек.

Он заключался в следующем:

1. Цель и направление действий. Наступление на Авганистан (и далее), в частности поход на Герат, потребует очень больших средств всякого рода; успех создаст не меньше нам затруднений, чем неудача, связав нам руки для действия в Европе. Напротив, если выждать, чтобы англичане сами выдвинулись к нам в наши новые владения, ослабив себя побольше длинными и трудными сообщениями и долгими маршами — и затем напасть на них, это считали тогда соединенным с меньшим напряжением, которое мы могли и дольше выдерживать, сохраняя свободу действий в Европе.

А главное, план этой активной обороны нравился тем, что позволял постепенно к нему готовиться, развертывая в Средней Азии боевые силы и средства, глядя по действиям врага. Тем более, что план войны с англо-авганцами не был у нас тогда еще разработан в деталях.

План противника мы себе представляли в такой форме: ослабление нашего положения в Средней Азии не только защитой Авганистана, но и вторжением к нам для оттеснения нас к С. и для урезки наших Средне-Азиатских владений. Наступление англо-авганцев ожидалось по двум направлениям — от Пешавера и Кабула через Бамиан к Бухаре и из Кветты через Герат к Мерву.

II. Силы противников в Средней Азии мы ожидали в таком виде:

а) Из Индии, как точно мы узнали в Симле, могло [26] двинуться 50 т. бойцов (15 т. англичан, 35 т. сипаев), ибо по расчетам особой секретной английской комиссии, по опыту войны Англо-авганской 1878 — 80 годов, для внутреннего покоя Индии требовалось 96 т., 160 полевых орудий; 19.175 чел. уже было собрано у Равальпинди для внешнего похода.

б) Авганистан мог выставить всего 30 т. регулярных сил, не считая ополчения (68 батал. 16 к. пол. 300 ор.).

Мы решили им противопоставить "для активной обороны" в одной только средней Азии (не считая Кавказского, Одесского, Виленского, Петербургского, Финляндского и Дальнего Востока):

1) В Закаспийском крае 30.270 ч. 7484 лош., не считая на поддержание покоя в самой области (2 т. и еще в Туркестане на средней Аму-Дарье, против Мазар-и-Шерифа 12 батал. 15 сот. 24 оруд.). Из них в области было налицо 7291 чел. (6 бат. Закасп. стрелк.; 1 ж. дор. б.; Александр. местн. ком.; 4-я бат. 19-й и 6-я 21-й артил. Бригады - 16 ор.; Асхабадская крепостная артиллерия; 12 сот. каз.: 6 "таманских", 4 "кавказских" и 2 "лабинских")⁶. Так как серьезных военных действий от англо-авганцев мы ожидали тогда лишь через полгода, к осени, то и расчленили сосредоточение Закаспийских войск на следующие фазисы:

1) Усилить немедленно войска Закаспийской области: [27] задержать сменных казаков, запасных нижних чинов, укомплектовать 1-й батал. до 84 р. в роте, сформировать три местных команды (Асхабад, Красноводск и Чикишляр) и еще сотню (Мервской) милиции.

2) Передвинуть из Туркестана 17-й и 3-й Туркестанский линейные батальоны и остальные две сотни Кавказского каз. полка с Кавказа, всего налицо до 10700 или 12500 чел. с 3526 л. и 16 полевыми орудиями,

Из этих сил тотчас выделить два отряда, Мургабский и Серахский, каждый силою до 2 батал. пехоты, 3 — 4 сотен конницы при 4 орудиях.

Этого считалось достаточно для обуздания враждебных выходов 4—6 т. англо-авганских⁷ войск, выдвинувшихся на край Южной Туркмении (считая и гарнизон Герата).

3) Командование этими войсками оставалось в руках начальника области, ему-же предоставлено право потребовать, по собственному своему усмотрению, с Кавказа отряд в 5300 человек с 1129 лошадьми, 8 орудий (4 стрелковых батальона, Грузинская пешая дружина, 3-я батар. 19 арт. бриг. и Кизляро-Гребенской казач. полк).

Что, в общем, дало-бы области: 16 т. л., 4655 лош., 24 пол. и гор. ор.

Первый эшелон "резерва" (батальон, каз. полк и 8 ор.) должен быть готов до ½ февраля, прочих к ½ марта, наконец, в случай полного разрыва с англо-авганцами, решено добавить дивизию пехоты с артиллерией, 12 кон. сотен, 6 эскадронов с конной батареей и собрать в области 10 т. туркмен (для которых высылалось уже скорострельное оружие в Асхабад).

Красноводскую местную команду развернуть в 4 резервных батальона, а Чикишлярскую и Асхабадскую удвоить, всего 26270 чел., 6484 лошади и 54 орудия. [28]

А всего собралось бы в области: 52 тыс. ч. 24 т. коней. В то же время образовывался и вышеупомянутый действующий отряд в Туркестане.

III. Вместе с тем нами были приняты меры для подготовки театра военных действий в инженерном отношении.

Был отпущен кредит на постройку двух укреплений на ½ батальона на р. Теджене и на р. Мургаб, примерно у Серахса и Имам-Баба, или Таш-Кепри (их не начали строить до боя 18-го Марта) и на улучшение путей сообщения и сношений (телеграф!) по области и последней с внешним миром.

Железная дорога продолжалась от Кизил-Арвата до Асхабада и имелось ввиду вести ее через Мерв в Туркестан для большей связи боевых сил и средств обеих половине Средней Азии.

Телеграф, доходивший до Асхабада от Красноводска, спешно продолжался до Серахса и по дороге на Мерв, и к 27 марта достиг несколько дальше Гяурса. Не лишнее бросить взгляд на сообщения области того времени. Из Имам-Баба, например, телеграмма достигла в С.-Петербург на 8-й день, следуя до Асхабада с конными гонцами неделю⁸. Донесение генерала Комарова о Ташкепринском бое, посланное в день боя (18/III), дошло в С.-Петербург 26 марта. В то время, как депеши г. Лемседена достигали до Лондона скорее, ибо конная почта англичан на Мешед была организована из очень дорогих лошадей туркмен-наездников. Так впоследствии, когда пограничная комиссия достигла Аму-Дарьи, на доставку одной депеши лорда Сольсбери туркмены наездники от Мешеда (500 миль) употребили всего 5 дней. [29]

Между Асхабадом и Кизил-Арватом ходили 4 казенных и "вольные" фургоны; пассажир следовал 5 — 8 суток. Охотников открыть почтовый тракт, ввиду ожидания железной дороги, не находилось. Ж. дорога 350 вер. была очень малой провозоспособности. Поезда ходили только днем, полотно извилисто, большие подъемы, песчаная выемки ползут на рельсы, поезд не более 20 вагонов; много вагонов служило жилыми помещениями. Ж. дорога оканчивалась у залива Михайловскаго. Сюда, в зависимости от морской погоды, подвозили мелкие пароходы груз от 1 до 2 суток, так что весь путь Красноводск Кизил-Арват равнялся, при удаче, 1 — 3 суток. В бурную

погоду грузы шли между Красноводском и ж. дорогой верблюдами. Путь по Каспию затруднялся бурями при судах мало надежных. Иногда из-за ветра пароход не выходил из порта неделю. Из Красноводска мелкие пароходы к ж. дороге отходили через 12 часов по приходе большого парохода. Каспийская флотилия могла перевозить лишь малые эшелоны. В бурную погоду, везя конницу, нередко они возвращались обратно в Петровск, боясь аварии.

От Мерва до Пенде, по настоянию полковника Алиханова и распоряжению Комарова дорога, еще до появления авганских разъездов, была обращена в колесную.

В этом плане военных действий были два недочета:

1) Оборона, толкуемая всюду как слабость, не отвечала достоинству России в Ср. Азии, где впечатление — первое дело.

2) Отряд от Кавказа, отданный в распоряжение г. Комарова, должен был быть у него всегда под рукой, по крайней мере в Асхабаде. С присылки [30] его и нужно было начать раньше всего, особенно принимая в расчет дурные сообщения. Как увидим, это сильно затруднило Комарова, и дело сладилось бы без боя, если бы резерв был близко. Боя 18 марта не было-бы, ибо левый берег Кушки мы заняли-бы раньше своей пехотой, чем авганцы, как это увидим дальше.

В конце ноября наш топограф Клементьев, подходя от Мерва к Сары-Язам, был остановлен авганским разъездом, который не пустил его дальше. Позже разъезд наш, посланный в том же направлении, также был остановлен у Сары-Язы, но уже авганским постом, при чем авганский капитан Магомет-эмин объяснил, что земли вниз по Мургабу до самой Иолотани принадлежат авганцам и будут скоро ими заняты, причем им приказано всеми средствами удержать эти места. После долгого обсуждения нами побочных случаев, было решено начать приводить в исполнение наш военный план.

6 января 1885 года генералу Комарову Высочайше было повелено безотлагательно занять отрядами Таш-Кепри и прочие пункты намеченной нами границы, причем говорилось, что желательно избегать столкновений с авганцами.

Генерал Комаров отвечал:

"Столкновений с авганцами постараюсь избежать, но за это не ручаюсь".

К этому времени наши силы за Каспием были расположены таким образом:

В Мерве стоял 17 Туркестанский линейный батальон, 1 и 2 сотни Кавказцев, а 3 сотня в Имам-Бабе на Таш-Кепринской дороге (138 в. от Мерва и 70 в. от Таш-Кепри), в Мерве ожидался из Самарканда [31] 3-й Туркестанский линейный батальон к 23 февраля, т. е. через 1 ½ месяца⁹.

В Серахсе стояли 1 и 2 роты 5-го Закаспийского стрелкового батальона, отделенные от Имам-Бабы и Мерва 120-верстными песками, в Пуль-и-Хатуме (в 70 верст, от Серахса и 40 верстах от Зюльфагара) стояла 6 сотня Кавказцев.

В Асхабаде, в 300 верстах слишком от Мерва и Серахса, стояли 2 ½ закаспийских стрелковых батальона (3, 6 и половина 5-го) и управление бригады; горная (6 — 21-й) и легкая (4 — 19) батареи, рота крепостной артиллерии, 1, 2 и 4-я сотня Таманцев. Через месяц должна была сформироваться Асхабадская местная команда.

В Геок-Тепе 2-й Закаспийский стрелковый батальон. 1 и 2 сотни Таманцев от Анау до Геок-Тепе на постах. 6-я сотня в Гермабе, 3-я в Атреке при русском комиссарстве. 5-я на постах к западу от Геок-Тепе до Кизил-Арвата.

Железнодорожный батальон в Кизил-Арвате и по ж. дор. линии до Каспия. В Кизил-Арвате и Бами по роте 1-го Закаспийского стрелкового батальона, а 2-я в Красноводске, где постепенно формируется резервный Закаспийский батальон. 1-й батальон, слабого состава, по укомплектовании, должен к ½ марта изготавиться к походу.

4-й батальон и 2 сотни Лабинцев на Атрекской линии. В Чикишляре формируется местная команда. Кроме того — небольшой гарнизон в форт Александровском¹⁰. [32]

Решено было сформировать 2 отряда, "Мургабский" и "Серахский", каждый батальона в 2 пехоты, 3 — 4 сотни конницы и ½ — 1 батарею. При этом приказано прочно удерживать в руках и недавно покоренный Закаспийский край.

Поэтому, когда из Петербурга предлагали генералу Комарову, не ожидая 3 Туркестанского линейного батальона из Туркестана, сформировать Мургабский отряд из частей Мервского, Серахского и Асхабадского гарнизонов, он не признал это возможным¹¹ и решил дожидаться батальона из Туркестана (5 и 6 Кавказск. сотен из-за Каспия и составить Мургабский отряд из

него, сводного батальона (2 и 3 роты 3 и 6 батал.), саперной команды (1 офиц. 10 чел.) и 4-х горных орудий из Асхабада; 3 сотни из Имам-Баба, 1 и 2 казач. сотен и одной милиционной из Мерва. Серахский же отряд решено пока усилить лишь командой туркмен-текинцев в 31 чел. при поручике Лопатинском для занятия Зюльфагара и Акрабада.

Разсчитывали, собрав Мургабский отряд, занять Таш-Кепри 15 февраля, для чего из Асхабада направили части 22 января сделать 472 версты до Таш-Кепри в 19 переходов (при 5 дневках), т. е. делая до 25 верст в сутки.

Но Туркестанский батальон легко мог опоздать при переправе чрез Аму-Дарью, на марше по пескам от нея к Мерву, и от других случайностей на своем долгом и трудном пути. Так и случилось. И поневоле думается, что можно было-бы *рискнуть* собрать из войск области Мургабский отряд в более короткий срок к Таш-Кепри. Тогда, может быть, пункт, этот нами был занят без боя, так как до 20 февраля авганцы имели у Таш-Кепри слабый [33] отряд в 250 — 300 ч. кон. и без пушек; он стоял у Ак-тепе за Кушкой. Но с 20 февраля, в 3—4 ч. дня, силы авганцев выросли за 4 тысячи, подвезли орудия и стали подготавливать позиции и впереди Теш-Кепри.

К задержке в *сосредоточении* Мургабского отряда присоединились задержки *хозяйственные* (закладки базы в Имам-Баба, формирование транспортов) и даже *политические*.

Несмотря на категорическое Высочайшее повеление — "ни в чем не уступать англо-авганцам и безотлагательно занять Таш-Кепри", дипломатия наша и присяжная и военная не переставала внушать г. Комарову о необходимости действовать исподволь, дабы не раздражить авганцев и тем предотвратить столкновение. Надо себе вообразить положение г. Комарова, когда успехи его конного авангарда и очевидность действовать быстрее (пока авганцы, натравливаемые англичанами, не усилились у Таш-Кепри) зовут его вперед, а соображения тыла и политики тянут назад. В письме своем в штаб области г. Комаров так характеризует свое состояние: "Положение глу-пое, точно натравливание собак, причем сильнейшую держать за хвост".

Вместо двух дней главные силы Мургабского отряда простояли в Мерве неделю, вместо дневки в Имам-баба — 18 дней. Наконец в Имам-баба 5 марта прибыл 3-й Туркестанский батальон; 7 марта отряд двинулся вперед и подошел к Таш-Кепри 13 марта, т. е. на месяц позже первоначального срока.

8. Авангард Мургабского отряда.

Период от 2 февраля до 5 марта не был однако полным боевым бездействием отряда, а наполнен [34] был действиями его конного авангарда, которым командовал подполковник Алиханов, начальник Мервского округа.

Подполковник Алиханов-Аварский, кавказец родом и мусульманин, был бесспорно выдающийся человек. Он кончил Тифлисскую гимназию, Константиновское воен. училище, с первых шагов службы отмечен был, как выдающийся. Но за покушение на убийство офицера в запальчивости и раздражении был предан суду и разжалован в рядовые; однако по ходатайству Великого Князя Михаила Николаевича — Государь приказал не считать ему штрафа препятствием к наградам.

И вот, в наградном порядке, к 46 годам мы видим его штаб-офицером на труднейшей военно-административной должности в области с 5 декабря 84 года и командующим полком конницы в Мургабском отряде.

Двинув из Асхабада часть сил Мургабского отряда, генерал Комаров дал Алиханову сложное поручение — безостановочно ехать из Асхабада в Мерв; сформировать там сотню Мервской милиции; организовать посылку разведчиков вплоть до Герата, для добычи верных сведений, и, выступив с 2 сотнями (казачьей и милиционной); в Имам-Баба и соединившись там с 3-й сотней кавказцев — разъездами оттеснить авганцев до Таш-Кепри и поставить там наш пост, избегая столкновения с авганцами; загадывать вопросом о движении в нашу пользу сарыков, содействовать, по гражданской части, к облегченно снабжения Мургабского отряда необходимым; командовать всею конницей отряда при нахождении ее в сборе. Все это им было выполнено крайне энергично и умело.

Вернувшись в Мерв из Асхабада 29 января, [35] Алиханов в два дня, 30—31 января, сформировал сотню милиции из 111 всадников, 4-х урядников при двух прапорщиках милиции — Баба и Коушут Ханах. 31 января уже послал 2-ю сотню кавказцев в Имам-Баба, 1 февраля двинулся туда

же сам с милицией.

Подходя к Имам-Баба, он получил письмо от английского полковника Риджвея (3 февраля), который от имени г. Лемсдена предлагал нам не двигаться из Имам-Баба, за что он обещал удержать наступление авганцев, страдал возможностью вооруженного сопротивления авганцев и звал Алиханова на свидание самого или просил прислать другого офицера для переговоров. Алиханов не отвечал. В Имам-Баба ему доложили о назойливости авганских разъездов, будто уверенных, что мы все снесем.

6-го февраля Алиханов с тремя сотнями пошел дальше, в Аймак-джар, донося г. Комарову, что делает это "на свой риск", не будучи в состоянии прогнать авганцев одними разъездами.

Авганский капитан поспешно отступил со своими постами к Таш-Кепри, оставив Алиханову дерзкое письмо, грозя остановить его движение "силою сабли пушки и ружья", если бы он дерзнул идти в Таш-Кепри. Алиханов доносил, что "авганцы щедры на угрозы даже в такие дни, как сегодня, когда они трясутся от трусости", — и шел все вперед. В Аймак-джаре на хорошей позиции оставил казачью сотню и с сотней туркмен, гоня перед собой авганские передовые посты и разъезды, 8 февраля пришел к Таш-Кепри и выставил на бугре Кизил-тепе пост из 30 милиционеров под командой Иолатанского сарыка Аман-Клыча. Это был лихой человек; стоя далеко от своих, лицом к лицу с авганцами, он [36] доставал все нужное себе из Пенде¹² и не склонялся ни на ласки, ни на угрозы авганцев. Когда авганский джернель Коосуддин-хан прислал сказать, чтобы он удалился, то Аман-Клыч отвечал: "не только не уйду, но если баяр, который меня поставил, прикажет, перенесу пост к самой палатке джернеля". Мусульманин этот так был проникнут ревностью к русским интересам, что на упреки авганского генерала, напоминавшего о необходимости каждому истинному мусульманину умереть за веру, отвечал: *«иди в Аймак-джар со своими оборвышами и тебя там тотчас сделают пострадавшим за веру»*.

Алиханов вернулся в Аймак-джар. Трогаясь от Таш-Кепри, он получил письмо Лемсдена со строгим выговором, угрозами и требованиями объяснений, и все это с крайней напыщенностью. Алиханов отвечал великолепно: "Уважаемому г-ну Лемсдену, делегату Англии. На Ваше письмо, полученное сию минуту, отвечаю коротко: мне приказано занять Таш-Кепри и не пропускать к с. авганцев, и это будет сделано, как бы Вы на это не взглянули. Вражды мы не желаем, но если кто начнет ее, мы готовы. Я не больше, как солдат — исполнитель приказаний, в политике же ничего не смыслю. Больше ничего не имею доложить. Начальник Мервского округа, подполковник Алиханов".

Занятие нами Мургабской долины велось до самого средоточия Пенде; авганские разъезды стали наблюдать за нами, двигаясь к северу песками. Вместе с тем, увеличение авганского отряда в Пенде и все росшая у сарыков неприязнь к авганцам — повлияли на необычайное вздорожание в Пенде продовольствия, и [37] корыстные люди Мерва, Иолотани и Пенде пустились на тайную доставку продовольствия из наших пределов в авганский лагерь. Тогда Алиханов выдвинул в пески от Мургаба конные посты и объявил, что будет отбирать в казну всякий пойманный с контрабандой караван. Посты эти с первых, же дней перехватили и авганский разъезд. Алиханов припугнул пленных авганцев и отпустил.

Благодаря хорошо поставленным Алихановым разведкам, сведения об усилении авганцев в Пенде, о качествах их войск, о деятельности англичан и настроении сарыков к нам поступали аккуратно, без задержек и в избытии.

Но прежде обзора этих сведений, посмотрим, что делалось в Серахском отряде за это время.

9. Приключения разъездной команды поруч. Лопатинского.

14 января из Асхабада был послан заведывающий первой милиционной сотней текинцев, поручик Лопатинский с 31 всадником, "занять урочища Зюльфагар и Акрабат, выяснить расположение авганцев впереди Серахского отряда и по возможности не давать авганцам утвердиться в пространствах, прилегающих к этим урочищам (например, Кяриз-Ильяс, Кяриз-Сюме... и "сколь возможно к востоку"; "всеми силами избегать столкновения и употребления оружия".

До Серахса Лопатинский шел без дневок. Передохнув в этом пункте (дневка), без дневок же пришел 23 января в Зюльфагар, ночуя в горах и будучи захвачен снежными мятелями. Это было очень смелое, даже дерзкое движение отряда.

Зюльфагар оказался уже занятым авганцами — 30 ч. [38] конных с Гуссейн-кули-ханом, посты и разъезды которого доходили до окрестностей Пуль-и-Хатума. Авганский начальник оказался очень дерзким и потребовал, чтобы наша команда уходила с авганской земли. При этом весь авганский отряд угрожающе изготовился к бою.

Лопатинский спокойно разбил свой лагерь впереди, в 300 шагах от авганского строя, объявил, что авганцы в гостях у русских, так как эта земля солорская, и что он надеется, что хан не наделает больше глупостей. В донесении г. Комарову он писал, что довольно было бы одной угрозы оружием, чтобы прогнать, авганцев, но что инструкция связывает ему руки.

29 января он с половиной команды двинулся в тыл авганскому посту, в Кяриз-Ильяс. Хан и грозил, и молил не ходить, даже схватил под уздцы лошадь Лопатинского и окружил его отрядик своими людьми.

Лопатинский, весь дрожа от гнева, должен был вместо "воинского" поступка употребить "дипломатический". Все же он резким движением коня отбросил хана.

Из Кериз-Ильяса он проехал через Акрабад и Кариз-Сюме до Ислим-чешме, почти до Кушки, вернулся к Акрабаду 3 февраля и занял здесь пост, опередив — у этого важнейшего из здешних узлов путей — авганцев, стоявших в Ислим-чешме. Из Ислим-чешме он послал для связи разъезд в Имам-Баба.

В Ак-Рабате он получил донесение, что 3 февраля 150 авганцев обошли наш Зюльфагарский пост и стали на его пути к Серахскому отряду. Тогда он выехал в Зюльфагар, где нашел свой пост, усиленный 20 казаками из Пуль-и-хатума. Довольствие [39] получал Лопатинский из Персии, откуда кормились и авганцы.

10. Серахский отряд.

8 февраля распространилось в Серахском отряде известие, что авганцы замышляют вероломное нападение на наши посты, и есть основание полагать, что раскрытие нами их замысла устранило этот сюрприз. Вследствие дерзких действий авганцев и на Серахском участке, приказом по области № 56 от 11 февраля 1885 г. был образован и Серахский отряд под начальством полковника Флейшера, командира 5 Закаспийского стрелкового батальона. 12-го февраля туда пошли из Асхабада 4-я и 6-я сотни Таманцев и 2 ор. 4-й батареи 19 артиллерийской бригады. В Серахс они прибыли 24-го февраля, сделав 297 верст в 11 переходов при 2-х дневках, т. е. в 13 дней.

В то же время, 13 февраля, г. Комаров нашел нужным потребовать к себе в область и отряд, формировавшийся для этого, как мы сказали, на Кавказе. Нужно подчеркнуть силу воли г. Комарова. 8 февраля он получил из Главного Штаба депешу: "требовать резерв воздерживайтесь до разъяснения обстоятельств, оправдывающих эту меру", а 13-го он уже телеграфирует: "нахожу своевременным передвинуть первый эшелон резерва в Серахс теперь-же". И это было не только не рано, а даже несколько поздно, так как часть эшелона этого (1-й Кавказский стрелковый батальон со взводом 4-й батареи 39-й артиллерийской бригады) прибыла в Серахс только 27 марта, а головная сотня Гребенцов 6 апреля, т. е. слишком поздно относительно того острого периода, который пережили оба отряда, дойдя — Мургабский до боя 18-го марта, а Серахский только чудом избежавший 16-го подобного же кровопролития... [40]

Англичане за это время не теряли минуты, искрещивая вдоль и поперек весь этот район, не спрашивая, кто его хозяева. За хорошие деньги, вперед на два перехода, каждому такому авантюристу авганцы и сарыки спешили заготовить на ночлегах фураж и провизию, что видели своими глазами наши разведчики и сам поручик Лопатинский. Да чего лучше, вернувшись однажды на Ак-Рабатский пост, Лопатинский застал разбитым целый лагерь подполковника Йета, но совершенно пустой. Милиционеры наши объяснили, "что капитан, отъезжая исследовать соляные озера Ер-Ойлан, приказал им постеречь его лагерь. Вернувшись, подполковник Йет, узнав, что Лопатинский хотел бы съездить в Имам-Баба, да боится, как бы авганские посты не наделали глупости, призвал местного хана и приказал вести себя спокойно, пока не вернется Лопатинский. Эти господа, при своем апломбе, ни перед чем не останавливались.

11. Наши разведки (шпионные).

Наши разведки рисовали следующая картины: у Ак-Тепе ко времени постановки 8-го февраля нашего поста в 30 человек на Кизил-Тепе стояло от 330 до 550 авганцев, считая с верблюдиками, без пушек — это все, что удалось им собрать в Пенде, Меручаке, Бала-и-Мургабе, при чем 50 человек оставалось в этом пункте, чиня валы этого древняго укрепления. В Маймене формировался значительный отряд, главным образом конный, оттуда везли 4 английския полевые пушки. В Пенде находился среди аулов лагерь англичан с конвоем из бонгальских улан. 9 февраля генерал Лемсден, полковник Риджевей и б. ч. их лагеря ушла по Кушке к Гюрленю, что туземцы [41] объяснили приближением русских. В Пенде остался старшим капитан Йет, капитан Смайт и доктор Оуен. По дорогам от Пенде на Кала-и-Ноу и по Кушке через Гюрлень стояли авганские посты. Перевалы в Герате, кроме самых западных были закрыты снегом, и еще в конце марта там трещали морозы. В Герате было до 2 т. гарнизону (почти две с лишним тысячи) и столько же перевалило в Гюрлен с 4-мя горными пушками, авганской работы.

Англичане в Пенде деятельно рекогносцировали местность, и по их указаниям авганцы связали в тылу своей позиции у Ташкепри паромом оба берега Мургаба и возвели три батареи на высотах правого берега этой речки. Холм Ак-Тепе тоже начал укрепляться: бывший здесь лагерь обнесен траншеей и приготовлена батарея на его вершине. На левом берегу р. Кушки поставлен авганский пост и намечались места укреплений.

Пендинские сарыки вели двойную игру. От англичан они брали подарки, бойки торговали с авганским лагерем и уверяли нас в готовности перейти на нашу сторону. Свои стада они давно пасли у нас и разрабатывали поля по Мургабу под покровом наших постов. Сначала они храбрились, говоря, что перебьют авган; когда силы последних стали прибывать, обещали их прогнать с подходом русских; наконец, когда авганский отряд стал очень силен, они приняли плаксивый тон: "авганцев просили уйти и не накликать занятием Пенде гнева русских на их головы", а нам писали еще слаще и жалобнее:

— "Воля отошла от сарыков... Очень боимся... Не имеем средств; мы бедняги, мирные поселяне, питаем большую надежду на вас... Мы, сарыки, с вами боя не имеем... Мы и авганцам тоже заявили, что мы очень [42] боимся, что мы бедняги. Вы же очень сильное государство. Англичанам не верим. "Подписал Казий Пенде Аман-Гельды-бек-Мамед-оглы".

Англичане настойчиво добивались образовать из сарыков милицию и все набавляли плату. Сарыки же все просили подумать, и 18-е марта было назначено (совпадение!) днем поставки милиции. Но сарыки не явились. С 20 февраля началось сосредоточение авганцев к Ак-Тепе. (Таш-Кепри). В этот день пришло 450 человек джемшидов от Маймене и ожидалось еще 1200 человек и 4 полев. пушки оттуда же.

23 февраля прибыло около 2 т. по долине Кушке (с 4-мя горн. оруд.) гератских войск с Наиб-Саларом, Тимур-шахом, т. е. командующим войсками всей Гератской провинции. До этого в авганском лагере находился только джарнель (генерал) Коусудин-хан.

К началу марта авганский отряд состоял уже свыше чем из четырех тысяч пехоты и конницы, с преобладанием последней, при 8 орудиях, 4 полевых и 4 горных. Третьим после наиба и джарнеля в отряде был один корнель. Кроме того, в военном совете этих лиц важное значение играл один молодой авганец знатного рода, воспитанный в Индии — служивший посредником и переводчиком между англичанами и авганцами. Видную роль в отряде играл джемшидский хан, наш тайный доброжелатель, Ялан-туш-хан и его поверенный Молла-Ниаз. Из сарыкских представителей видное место занимал, тоже наш тайный доброжелатель, Казий Аман-гельды.

12. Характеристика авганских и наших войск.

Вместе с учетом авганских сил мы старались определить и их боевые коэффициенты: степень регулярства, вооружение, настроение. [43]

Вот в каком виде рисовался наш противник.

Большой процент их отряда составляли джемшиды, относившиеся с большей симпатией к русским, чем к авганцам, хотя солдатское чувство и воинственный задор вместе с приливом мусульманского фанатизма легко заглушали эту склонность к нам. Джемшиды преобладали в коннице. Потом в ней были Фирузкуи и Хазарейцы. "Конница была равна 2 ½ тысячам. Пехоты было до 1 ½ тысячи, она была почти сплошь авганской. Авганцы шли с охотой в поход. Разведчик

наш, Мир-Магомет-Саат-оглы, сопровождая авганскую гератскую колонну, шедшую по долине Кушка, старательно подслушивал речи авганцев у вечерних костров и говорит, что они были веселы, говорили, что "идут не газават и не пустят Русь ворваться в Авганистан".

Конные и пешие солдаты были одеты очень бедно, просто, даже в большей своей части имели вид оборвышей. Формы общей не соблюдалось, особенно в коннице — все были в своем домашнем национальном платье. Широкие штаны белые, миткалевая такая же рубаша до колен на выпуск без пояса с широкими рукавами. Сверху либо чекмень, либо короткая куртка, у иных вроде одеяла или пледа накинуто на одно плечо. У пехоты очень массивные сапоги — тяжелые и подбитые массой крупных гвоздей. Кони очень худы от плохого корма, которым служил почти исключительно полутнилой саман. Солдаты тоже плохо содержались: они жаловались на плохой хлеб и неаккуратный его подвоз. Готовилась пища в небольших котлах группами в несколько человек. Тяжести возились на выюках и в кожаных сундуках (ягтанах) и обыкновенных сумах и чучалах. Выючные животные (лошади и быки) брались у жителей Гератской провинции в зачет податей.

[44]

Вооружение было очень плохо, особенно в сравнении с нашей могучей берданкой и горной пушкой.

По нашим подсчетам у авганской армии должно было быть значительное количество нарезанных ружей, заряжающихся с казны, и мы были приятно удивлены, точно узнав, что авганский отряд явился с пистонными ружьями, заряжаемыми с дула, с бумажными патронами, которые нужно было рвать зубами, или просто с порохом и пулями в разсыпку. И конница и пехота имели ружья, но у пехоты они были со штыком и более однообразны, а у конницы попадались и дробовики двухстволки. Конница еще имела и пашки. Пистолеты имелись лишь у людей зажиточных.

Магазинок в отряде было несколько штук — это были недавние подарки англичан старшим, начальникам.

Когда наш разведчик Овез-хан 5 марта был временно задержан в Ак-Тепе, перед его палаткой прислуга джарнеля нарочно упражнялась с двумя магазинными ружьями, чтобы произвести на него сильное впечатление.

Курьезно, что для этого же разведчика авганцы устроили целое представление, чтобы уверить его в прибытии новых подкреплений. Перед его палаткой провели колонну конных и пеших людей, провезли пушки и выюки. Участвовал почти весь отряд. Но Овез-Хан был очень наблюдателен: он и его товарищи заметили, как за палатками скрытно выючили лошадей и строили солдат.

Другой разведчик наблюдал авганскую колонну на походе в долине р. Кушки. Она двигалась, страшно растянувшись. Конница для облегчения пехоты везла ружья. Начальство с конвоем прибыло на ночлег к 3 часам дня и хвост колонны подошел после 12-го [45] часа ночи. Колонна состояла из двух тысяч людей с небольшим обозом и малым количеством всяких запасов.

Не безинтересно мнение генерала Робертса об авганских войсках, только что опубликованное к тому времени, как результат его боевого опыта в Авганистане: "авганской армии не достает только знающих предводителей, чтобы сделаться грозной военной силой".

Но, оценивая авганцев, бросим взгляд на их противников в Закаспийском крае, наших войск, выступивших тогда против авганцев на Кушке¹³.

В общем (закаспийцы) это были славные русские войска, победоносные и неодолимые... Командующий войсками округа, генерал-адъютант князь Дундуков-Корсаков в своем последнем инспекторском перед разбираемыми событиями приказе (26 мая 1884 г. № 131) говорит: "Посетив Закаспийскую область, я в течение месяца имел возможность ознакомиться и осмотреть большую часть войск, в ней расположенных (2, 3, 5 и 6 батальоны, обе батареи и казаков Таманского и Лабинского полков).

"Славные войска эти представлялись мне везде в блестящем виде, как в строевом отношении, так и по военному духу, в них развитому.

И это была большая заслуга для войск, служивших *в особо тяжелых условиях* в этом новом, диком, еще не устроенном крае, весьма удаленном от мест культуры, с тяжелым для нас, непривычным климатом. Поэтому некоторые недочеты, существовавшие в боевой подготовке войск, легко объясняются [46] невозможностью обставить жизнь войск так, чтобы военное образование шло без помехи.

Но мы обязаны просмотреть и эти недочеты, составлявшие весьма важный коэффициент при

обрисовке полной боевой обстановки за Каспием в период обострившихся здесь международных отношений.

Стреляли закаспийская войска плоховато, хуже всей армии. Смотри стрельбы осенью 1884 года дал, в среднем, ниже хорошаго на 5 — 4%, и в каждой почти части в отдельности ниже хорошаго. Из 30 смотровых стрельб только одна была очень хорошей, а 80% ниже хорошаго. В остальной армии меткость была не ниже 40%, в стрелковых-же не ниже 60%, а за Каспием едва 21%, лучше других стреляли 3-й Закаспийский стрелковый батальон и Таманцы.

Высочайше было повелено объяснить причины этого недочета. Вот оне: Закаспийские батальоны были сформированы недавно, в 1882 году из Оренбургских и Кавказских линейных батальонов, причем состав офицеров был в них прежний, в большей части несоответствующий новым требованиям службы. В один 1883 — 1884 годов пришлось удалить 20 офицеров по этой причине. Обучением руководили слишком неопытные офицеры и унтер-офицеры. Много способных капитанов и штабс-капитанов было отвлечено на административную службу области. Нижние чины отвлекались от занятий тяжелым караульным нарядом и большой заболеваемостью. Из 420 человек одной части на смотре стрельбы — 160 (38%) было совершенно больных, из оставшихся в строю 5 человек пришлось удалить вследствие обмороков, рвоты и высокой температуры тела, поражающих полную слабость. Закаспийския жары сильно мешали обучению, равно как и неудовлетворительное состояние квартир. [47]

С другой стороны, войсковые медики, заботясь о сбережении здоровья солдат, щедро раздавали освобождение от занятий и караулов, отчего последние изнуряли и здоровых, отвлекая последних еще больше от занятий.

Но пищей войска были обеспечены хорошо, одеждой тоже. Кроме обычной одежды нижние чины носили фуфайки-куртки из шинельнаго сукна, гимнастическую рубаху, синия нанковыя шаровары и белые назатыльники на фуражке. Люди получали обед из горячаго с $\frac{3}{4}$ ф. мяса, каши и два раза чай. Овощей давали много для борьбы с цынгой, капуста из Астрахани 1 руб. 30 коп. пуд, картофель 50 — 75 коп. пуд. Офицеры, двинувшись на границу, получили подъемныя деньги 100 — 150 — 225 рублей, по чину, и все получали фуражныя деньги.

Вооружены войска были берданками — это было дивное оружие сравнительно с авганским огнестрельным дрекольем. Но.... патроны были плохих качеств; состоящие в боевом комплекте войск имели просальники б. ч. растаявшие от здешней жары; и новые патроны, еще только подвозимые в область, с более стойким просальником не попали в бой.

Недавно набранная туркменская милиция не отличалась еще большой дозой регулярства.

13. Мургабский отряд.

Закончив 5 марта сосредоточение Мургабскаго отряда, генерал Комаров перевел его главные силы 7 и 8 марта двумя эшелонами в Аймак-Джар, где стоял авангард отряда из двух казачьих и одной милиционной сотен, под командой подполковника Алиханова. В Аймак-Джаре простояли с 9 по 11 марта. 12-го отряд целиком перешел в Уруш-Душан, [48] в походном порядке со всеми мерами охранения и стал всего в 20-верстном переходе от Таш-Кепри. 13 марта он двинулся к Таш-Кепри и стал лагерем, не доходя 5 верст, считая по дорогам (и 4-х, считая по воздуху) до самого моста через Кушку.

В тылу на этапах были оставлены небольшие команды. База была перемещена в Аймак-Джар и устройство ея — единственная причина медленнаго движения вперед Мургабскаго отряда, прошедшаго 65 в. (главные силы) в неделю, а конным авангардом всего 27 верст.

Это было очень "осторожно", ибо дало авганцам совершенно оглядеться и устроиться.

Из Аймак-джара 9 марта генерал Комаров послал двух своих офицеров генеральнаго штаба подполковника Закржевскаго и капитана Прасалова с 4-мя казаками на рекогносцировку авганскаго расположения у Таш-Кепри, против котораго на холме Кизил-тепе продолжал стоять лагерь наш джигитский пост.

Из Уруш-Душана был послан Генеральнаго Штаба капитан Прасалов выбрать отряду лагерное место, (у Таш-Кепри).

Лагерь был разбит в виде вагенбурга. Одной стороной он примыкал к Мургабу, фронт его был занят 3 туркестанским линейным батальоном, западный — сводным Закаспийским стрелковым

баталионом, тыловой — конницей.

Через Мургаб у лагеря был наведен паром из водяных боченков — баклаг 17 Туркестанского линейного баталиона, выписанных из Мерва. Сторожевые посты наши были выдвинуты от двух до 3 ½ верст от лагеря и состояли из цепи непрерывных постов, шедших от Казачьяго бугра через Кизил-Тепе до [49] Мургаба и отдельных постов на правом берегу Мургаба и левом — у бугра Ярым-тепе и разъездов, высылавшихся в пески на правый фланг сторожевого охранения. Охранение состояло: от Мургаба до Кизил-Тепе из пехоты (днем взвод, ночью ½ роты) — застава и 5 постов. Все прочее из конницы, при чем на Казил-Тепе стояли джигиты, а на остальных постах казаки.

14. Расположение авганского отряда на Кушке.

Авганские аванпосты (ведеты) стояли на левом берегу Мургаба, в разстоянии от ½ до 1 в. от наших, а на правом берегу Мургаба в 2 верстах.

Авганский лагерь стоял 1 ½ в. от своих аванпостов и в ½ в. за Кушкой между муллушкой Ак-Джан и высоким холмом Ак-Тепе. Ко времени появления в виду его Мургабского отряда лагерь этот был обнесен с фронта окопами для стрелков и орудий.

Для обороны доступов в Пенде авганцы подготовили позиции на обоих берегах Мургаба.

На левом, по западному берегу р. Кушки, на главном пути в Пенде. Ея фронт был всего в 300 х ¹⁴ от Кушки и моста через нее, а фланги в 600 х от того-же моста. Средине позиции была осажена назад так, что фланги выходили уступами вперед. Левый на 8 сажennem узком, 300 х, бугре, конечном языке высот, полого спускающихся в русскую сторону и образующих крутой обрыв к р. Кушке. Средний и правый участки на равнине, доступ к ним затруднен сетью арыков. Правый фланг обезпечен от обхода Мургабом, левый более подвержен охвату и обходу, но и то и другое затрудняют пески. На этой [50] позиции были построены пехотные окопы и батареи, по одной на каждом из трех участков позиции.

На правом берегу Мургаба были заготовлены 2 батареи и окопы в двух группах на вершине правобережной горы и на холме в равнине, холм Ак-Тепе, на левом берегу Мургаба, снабжен был орудийным и стрелковым ложементом и мог связать свои действия с укреплениями обоих берегов. Это был дивный обсервационный пункт с далеким кругозором.

Левый фланг всей авганской позиции был наиболее важен в стратегическом смысле: отсюда отходил кратчайший путь сообщения авган с Гератом и к этому же флангу склонялся и другой путь туда же через Пенде. Этот же фланг был более доступен для русских, а по отношению ко всей авганской главной позиции на левом берегу Мургаба играл роль тактического ключа, с занятием которого не было уже возможности оборонять всю позиции на лев. бер. Кушки и позиции за мостом. Особенно при сравнительно лучшем русском огнестрельном оружии.

В этом смысле и оценили авганскую позиции наши офицеры генерального штаба 10 марта с бугра Кизил-Тепе. В этот день авганский отряд весь находился в лагере (более 4 т.), а на левом берегу Кушки виднелись только сторожевые посты и ½ сотни пеших, рывших траншеи на бугре.

15. Воздействие на англо-авганцев переговорами.

Казалось бы, если руководствоваться только военными соображениями, отряд наш, двигаясь непрерывно до р. Кушки, да еще при известной доле внезапности, этим путем лучше всего исполнил бы свою задачу "занять [51] непременно Таш-Кепри". И если бы и произошло столкновение, то при обстоятельствах для нас благоприятных, так как на левом берегу р. Кушки мы не встретили бы сильного сопротивления.

Но генералу Комарову приходилось раздваиваться на дипломата и генерала и угождать первому по инструкции, предпочтительно перед вторым, создавая второму все труднее положение. Он писал об этом сам: "я расположил отряд в 4—5 верстах не доходя Таш-Кепри, сперва даже без прикрытия его аванпостами, кроме остававшегося с 8 февраля на Кизил-Тепе джигитского поста, чтобы не возбуждать в авганском лагере тревоги, оставить их отряд спокойно сидеть в лагере и путем переговоров мирно занять Таш-Кепри. Авганцы же действовали без иллюзий и, решив безповоротнo не уступать Пенде, продолжали, сообразно [52] обстоятельствам, развивать военные

меры для удержания всего урочища Таш-Кепри, в том числе и левый берег низовьев р. Кушки, долина которой, вся занятая уже авганскими постами, была ценной частью Пенде и в материальном и в военном отношении, содержа прямой путь на Герат, откуда по нему только что пришли главные силы авганцев.

Действуя по военной логике, авганцы 13 марта, увидав наш отряд, выслали сильную конную часть, затем часть пехоты с 2 пушками на свою позицию левого берега Кушки. Это заставило нас выставить тотчас непрерывную цепь сторожевых постов на линии (джигитского поста) от песков до Мургаба и наблюдать разъездами пески к западу от лагеря и местность на правом берегу Мургаба. Всего наряжалось на сторожевое охранение днем взвод пехоты и конницы, а ночью пехота доводилась до $\frac{1}{2}$ роты.

Про это расположение можно сказать, что авганцы имели больше шансов при внезапном нападении, ибо имели расположение боевое на подготовленной позиции и посты их имели в самой близости сильную опору. Наш же отряд не имел подготовленной позиции на случай обороны и слишком был удален от аванпостов, бывших вдвое ближе к авганцам, чем к нему.

На другой день, 14-го марта, начались переговоры. Инициатива принадлежала англичанам, хотя в оригинальной форме — легкой лжи: капитан Йет написал генералу Комарову, что, "по словам авганцев", кто-то из русских начальников желал его видеть. В пять часов вечера состоялось свидание близ Таш-Кепри групп русских штабных офицеров с Закржевским и английских с Йетом во главе. Мы угостили англичан завтраком, и те мило шутили, что обращение Йета, [53] вызванное какой то ошибкой, привело к приятному знакомству.

В этот день авганцы усиленно продолжали строить траншеи на своих позициях и особенно на левом берегу р. Кушки, выдвигают дальше вперед, умножают и усиливают (на правом берегу Мургаба 50 ч. на посту) свои аванпосты на всей их линии по ту и другую сторону Мургаба и, убрав на ночь в лагерь конницу, снова выдвинули ее вперед Кушки на день на правый фланг русских аванпостов, стараясь разъездами пробраться к нашему лагерю, в охват их. Это вынудило 14 марта выдвинуть нас за Мургаб разъезд генерального штаба капитана Прасалова с 5 джигитами, с целью также высмотреть с высот авганское расположение.

Англичанам мы заявили, что вызывающий характер авганских действий не отвечает нашему стремлению уладить дело мирным путем, что мы, конечно, могли бы с первого появления своего "их уничтожить", но стараемся своим поведением показать желание наше обойтись без столкновения. Англичане говорили ¹⁵, что не сомневаются в нашем боевом превосходстве и благоприятном исходе для нас столкновения, но безсильны унять авганцев, которых они вместе с тем находили не столь виновными, как это мы указывали.

15 марта мы обменялись с англичанами письмами — те упрекали нас в сближении с Таш-Кепри, вопреки будто бы желаниям обоих правительств, мы настаивали на удалении авганских аванпостов и разъездов, если не за линию р. Кушки, то хотя бы в то положение, какое у них было до подхода Мургабского отряда. В этот день отношения у нас с авганцами сильно обострились. Мы выдвинули конный отряд [54] Алиханова (сотню туркменской милиции) за правый фланг своих постов, по дороге к Мор-Кала. А роту стрелков с капитаном Прасаловым на правый берег Мургаба.

Авганский генерал джарнелъ — Гос-Эддин-Хан с несколькими сотнями тотчас поехал нагонять Алиханова. Последний сумел эту встречу обратить в дружескую и даже проводил авганцев обратно, до самого моста Таш-Кепри, при чем джарнелъ просил Алиханова дальше не следовать, так как он будет вынужден остановить его силой оружия.

На правом же берегу Мургаба авганцы прибавили к своему посту еще две роты, двинули их навстречу нашей, остановившись от нея в 800 шагах и потребовав удаления. Но наша рота вернулась только вечером, как ей было указано, спокойно перенеся (что генерал Комаров подтвердил роте запиской) дерзкия выходки авганцев, которые перехватили одного нашего джигита с запиской в роту от Комарова, отпустив его только 16 утром, арестовав урядника милиции, бывшего при нашей роте в качестве переводчика и посланного к авганским ротам. Он был ими оскорблен и вернулся к нам с угрозами авганцев встретить нас с оружием. Посты и разъезды авганцев все усиливались и все продолжались за наши фланги.

16 марта авганский разъезд, твердо уверившись, что с нашей стороны не последует почина в действии оружием, подошел на правом берегу Мургаба, к самому нашему парому, в нескольких

десятках шагах от нашего лагеря, объяснив, что желает видеть, на чем мы переправляемся. После настойчивых наших требований, он отъехал на сотню шагов где и оставался несколько часов. Пользуясь всяким случаем, авганцы твердили нашим людям: "убирайтесь [55] отсюда, здесь не Мервцы, здесь вам не туркмены, здесь все авганцы — бивали мы не раз англичан, побьем и вас, если не уйдете".

Второе свидание Закржевского с Йетом в этот день (16 марта) не подвинуло дело вперед; англичанин всячески оправдывал авганцев тем, что возбуждение вызвано приходом Мургабского отряда и движением наших колонн и партий, и что в таком положении нужно выждать делегатов с их разграничением.

Замечая, что безнаказанность авганских действий дурно влияет на туркмен Мургабского отряда и на Пендинское население, генерал Комаров решил прибегнуть с своей стороны к угрозе.

Утром 17 марта он послал с разъездом (сотника Кобцова) письмо Наиб Салару Тимур-Шаху, начальнику авганских войск, с категорическим требованием очистить левый берег Кушки и правый Мургаба ниже устья Кушки. Капитана же Йет просили прибыть в условленный час на свидание с Закржевским и привести на свидание и авганских начальников для обсуждения нашего требования.

В ответ на это мы увидели новое усиление войска на авганской позиции, которую требовали очистить, и лихорадочную работу у окопов. Йет заявил, что Наиб-Салар в этот день не может позволить кому либо из своих начальников отлучиться от своих людей и что, по его мнению, авганцы вправе занимать всю свою позицию, что очищение их — первый шаг к уступке нам спорной долины. Мы же объяснили Йету, что не желаем захвата долины Кушки, но видим единственным средством устранить столкновение, поставив в пределах их расположения между нами строгую деморкационную черту и преграду в виде [56] полноводных Кушки и Мургаба. Йет выставил авганцев хозяевами положения, а себе отвел роль второстепенную, безсильную влиять на авганцев.

И это происходило в дни 16 — 18 марта, когда русский и английский кабинеты, продолжая обмениваться записками, твердо полагали, что все уладят помимо авганцев.

16. Ультиматум наш авганцам.

Письмо генерала Комарова Наиб-Салару звучало весьма решительно:

"Требую, чтобы сегодня (17 марта) до вечера все подчиненные вам военные чины до одного возвратились в прежние стоянки свои, на правый берег Кушки и чтобы посты ваши на правом берегу Мургаба не спускались ниже соединения этих рек. Переговоров и объяснений по этому вопросу не будет. Вы обладаете умом и проницательностью и, вероятно, не допустите, чтобы я свое требование привел в исполнение сам".

Нужно было, поистине, немного ума и проницательности, чтобы понять, как из-за письма этого выглядывал — боевой рожон. Но вслед за этим воинским актом "иду на вас", вопреки угрозе не вести более переговоров, г. Комаров послал еще частное увещание, ослабившее угрозу.

Наиб Салар на первое письмо отвечал, титулуя Комарова, как зовут старших начальников в Индии: Его превосходительству Генералу Бехадуру, храброму отважному." Он уверял, что не может исполнить нашего требования, вопреки приказаний эмира и советов Йета, обязательных, для него. Но обещал, если нужно, исправить то или другое маловажное расположение своих постов.

В тот же день поздно вечером (в 10 час), [57] отдавая приказ о бое на 18 марта, генерал Комаров послал еще письмо Наиб Салару, но более мягкое ("уважаемому, отважному и благодарному!"), говоря, что самое *маловажное* из перемен в авганских силах он считает очищение левого берега Кушки и правого Мургаба, ниже Кушки, и что если это не исполнят, то хороших последствий от того не произойдет и вина ляжет на авганцев, которых он еще раз предупреждает в видах охранения дружественно-соседских отношений, причем уверял, что советники авганцев, англичане, видимо, стараются разорвать дружественные наши отношения. "Да поможет вам Господь!" заканчивает он: "в разрешении этого дела и установлении вместо вражды — дружественных соседских отношений, дабы не пришлось раскаиваться в том, что вы слушались бесполезных советов посторонних лиц"... — "Выбор между дружбой и враждой зависит от вас

самих!"

У Наиб-Саляра собрался военный Совет. Мнения разделились. Корнель и молодой авганец, английский агент, не советовали вступать в бой — указывая на превосходство русского огнестрельного оружия и обучения русских войск. Большинство же видело успех в многочисленности авганцев, особенно в превосходстве у них в числе конницы. "Русская конница", говорили они, "точно муха против нашей"... Авганцы уже давно решили рано или поздно *напасть* на Мургабский отряд и рассчитывали, что их конница "посеет смятение в рядах русской пехоты"... Англичане, участвовавшие в совете, убеждали Наиб-Саляра быть *твердым* в своих решениях, уверяя, что русские только страшат и что инструкции генерала Комарова запрещают ему нападать.¹⁶ [58]

17. Распоряжения для боя.

Обе стороны стали готовиться к столкновению на утро.

И в русском лагере собирались начальники 17-го вечером, часов в 8. Генерал Комаров изложил им наше положение, задачу формирования отряда и отдал последние приказания для боевого выполнения ее с рассветом 18-го марта.

Приказания, отданные Мургабскому отряду, устные и письменные, для боя, тем любопытны, что они писаны одновременно и стратегией и политикой. Стратегия говорила: получив от высшего начальства задачу занять прочно Таш-Кепри Мургабским отрядом: "истощив все средства мирно уладить это дело с помощью влияния на *авганцев англичан*, я решил удалить авганцев из этого урочища силой. Для чего предписываю: завтра в 4 часа утра Мургабскому отряду выступить к Таш-Кепри. Во время движения, до рассвета соблюдать полную тишину, не курить, не разговаривать, приказания отдавать вполголоса. Особенное внимание обращаю на то, чтобы не было допускомо ни малейшей суеты, спокойствие чтобы было полнейшее. В лагере для его охранения оставить 50 человек нестроевых и караульных под командой подпоручика Соснина.

"Полковнику Казанцеву с его 3 Туркестанским линейным баталионом и горн. орудиями и подполковнику Алиханову со всей конницей (4 ½ сотнями конницы): 1, 2 и 3 Кавказского полка, Мервская милиционная сотня, группа туземных ханов, и свита конвой г. Комарова)¹⁷, идя песками западнее бугров Кизил- [59] тепе и Казачьяго на оконечность левого фланга авганской позиции правого берега Кушки для его охвата, сбить аванганские войска с этого бугра, а полковнику Никшичу с его сводным Закаспийским стрелковым баталионом, идя от Кизил-тепе, удерживать авганцев от движения из Закушкинского лагеря на помощь войскам на бугру. Никшич должен был сообразоваться с охватом, выждав действие его у Кизил-тепе. Для наблюдения за флангами был выслан джигитский разъезд в пески, и на левый из трех казаков к Ярым-тепе. Пост с правого берега Мургаба был снят, паром тоже, аванпосты же, как бы прикрывая наш фланговый марш, должны были затем присоединиться к своим частям. Генерального штаба капитан Прасалов должен был объехать утром все свои посты из лагеря через Ярым-тепе до казачьяго бугра и присоединиться к штабу Комарова, который следовал при конной колонне.

Политика же прибавила к этому: "строгое запрещение первым начинать действовать оружием", даже больше — "не отвечать на неприятельский огонь без приказания, в надежде на мирный исход удалением авганцев за Кушку одним маневрированием".

Густой туман, окутавший окрестности ранним утром 18 марта, как нельзя лучше способствовал внезапности появления русских у Таш-кепри, но помянутая оговорка политики в боевой диспозиции сводила влияние внезапности "на нет", лучшего на свете средства подготовки боевого успеха.

Но туман мешал правильности движения и наших войск, разстраивая согласование их действий. И еще можно поставить на счет туману: авганцы, если бы туман не скрывал от них наших первоначальных движений, вероятно, очень рано начали бы против нас [60] действовать, может быть сорвались бы для этого с позиции, так как были с раннего утра в боевом строю и большом напряжении¹⁷.

К рассвету их аванпосты были сняты, на правом берегу Мургаба возле тамошних укреплений находилось 200-300 человек пеших и конных. Большая часть конницы (1200 коней), значительная часть пехоты (около 2 баталионов) и 7 орудий (4 полевых и 2 горных) были расположены на

позиции левого берега р. Кушки. Около баталиона с одним горным орудием в авганском лагере, за Кушкой, при чем орудие стояло на Ак-тепе. В тылу лагеря был выставлен конный заслон на случай враждебных действий пендинцев. Всего было 4 т. при 8 орудиях. Общее командование принадлежало Наиб-Салару. Джарнель Коусудин-хан командовал войсками левого берега Кушки. Начальником артиллерии был Дуст-Магомет-хан. Конницей предводили: Рисальдар (полковник) Каландар-хан и Читанмир-ага, а тыловым заслоном Ялантуш-хан-джемшиди. Баталионами командовали; Али-магомет, Худайнур-хан, Карней-шамрат-хан и при пехоте был сартип Гуль-Магомет-хан. У Коусудин-хана был большой бунчук, у войск правой и левой половины левобережной Кушкинской позиции было по большому знамени и множество значков. У нас было в отряде: 1840 человек, 600 лошадей и 4 горных пушки.

18. Наступление наше и развертывание авганцев.

В 4 часа утра еще в темноте, густом тумане и легкой измороси войска наши тронулись из лагеря в наступление; окружающие предметы едва были видны. [61]

Труднее и дальше всех пришлось идти Туркестанцам — верст 7 до встречи с противником, версты две по вспаханым полям с размокшей землей, изрезанной в разных направлениях арыками ¹⁹, версты три по окраине песчаных бугров, причем проводник, сбившись, взял западнее и попал в полосу более рыхлых песков, чем предполагалось; потом спустился на твердое плато окрепших песков и ими с версту двигался до позиции противника.

На середине пути по пескам полковник Казанцев различил влево Кизил-тепе, ориентировался, а спустя ½ часа увидал и колонну подполковника Алиханова, находившагося уже близ оконечности авганской позиции, и завел с ней сношения через посылку джигитов, указав и место выхода своего из песков. До выхода из песков туркестанцы шли в походной колонне, имея 1 роту в авангарде. Спускаясь на плато туркестанцы развернулись поротно в две линии, и 1 и 2 роты выслали цепь, направляясь правее Алиханова. В начале спуска на плато, в 1 вер., от неприятеля, Туркестанцы были свидетелями начавшагося в других колоннах боя. Против казаков и колонны Никшича послышалась живая стрельба и раздались выстрелы авганских орудий с обоих берегов Кушки.

Кавалерия наша в составе 11 офицеров, 518 всадников казаков и милиционеров (1, 2 и 3 сот. Кавказцев, сотня временной Мервской милиции; 7 ахалтекинских милиционеров и 30 — 40 почетных лиц Али-элинцев, Мервцев, Саларов и Иолотанцев) пошла, за туманом, более прямой дорогой, обойдя с запада [62] Кизил-тепе, опередила Туркестанцев и очутилась вместо крайней правой — средней колонной, в центре нашего боевого порядка. В начале 6 часа, кавалерия наша стала выходить на плато Таш-кепринского бугра и, развернувшись остановилась шагах в 400 — 500 от авганской конницы, бывшей вдвое большей ее и построенной в глубокия массы, до 2 т. коней против Алиханова и около 200 против туркестанцев. Около роты пехоты тотчас вышло и залегло на левом фланге большей конной массы.

Туркестанцы были в версте еще. А Закаспийские стрелки ²⁰ уже наступали, развернувшись. В 4 часа они вышли из лагеря. Еще в темноте достигли подошвы Кизил-тепе. Около 6 часов, когда уже разсвело, баталион обошел с запада Кизил-тепе, а потом развернулся поротно в две линии, передовые роты выслали цепи, и началось наступление. Роты 3 Закаспийского стрелкового баталиона составляли правую половину боевого порядка, а 6-го — левую. Впереди были 2 рота 3 баталиона и 3 рота 6 баталиона.

19. Бой.

В исходе 6 часа подошли Туркестанцы, и генерал Комаров направил к ним ½ батареи.

К передовой авганской конной массе подъехал Наиб-Салар со словами: "Подвизайтесь во славу Божию"! Ему отвечали троекратным Алла и обещанием сражаться во имя Господне.

Алиханов, полагая, что тотчас авганская конница ринется в атаку, быстро спешил казачьи сотни и тех туркмен, у коих (20 человек) были ружья. На [63] правом фланге осталась на коне сотня Мервской милиции, ²¹ на левом туземцы конвоя и свиты Комарова. Огня все еще не было. Авганцы, видимо, не решались. Но вот из их рядов раздалось 4 ружейных выстрела по нашей коннице и была ранена казачья лошадь. Наши спешенные люди дали залп и продолжали

непрерывный частый огонь. — Авганцы открыли огонь по всей позиции из ружей и пушек. Им отвечали все наши колонны. Авганская кавалерия заколебалась, отхлынула, но стала опять строиться к атаке, и скоро всадников 300 бросились с бугра в равнину охватывая нашу конную колонну с левого и правого флангов и тыла. Но прочая конная масса дрогнула и бежала, вместе с ротой, выдвинувшейся на ее левый фланг. Это случилось, едва казаки выпустили 5-й патрон...

Контр-атака части авганской конницы заставила шарахнуть часть лошадей от коноводов и группу конных туземцев, стоявших на левом фланге Алиханова. Лошади и всадники эти помчались мимо Кизил-тепе в лагерь, Эпизод этот хорошо потом рассказывался старшим врачом 3 Закаспийского стрелкового батальона, Надворным Советником Мороховцом, стоявшим на бугре Кизил-тепе, за которым был расположен его перевязочный пункт. "Пелена тумана скрывала, говорит он, картину начавшагося боя, долетал только гул стрельбы... И вот через несколько минут после ее начала я услышал топот и мимо бугра понеслись в лагерь лошади в седлах и без седоков с брошенными поводьями и туземцы-всадники во всю прыть... Очевидно, там произошло столкновение, и я ждал с минуту на минуту появления авганской конницы, приговаривая к самообороне... [64]

Атаковавшие авганцы были отбиты огнем ближайшей пехоты и атакой Мервской милиции. Получив приказ Алиханова ударить в шашки на авганцев, милиция эта тронулась нерешительно налево кругом в тыл своим коноводам, которые с коня открыли огонь. В атаку бросились джигиты не дружно, большинство первую минуту замылось, только командующий сотней прапорщик Баба-Хан с несколькими храбрецами по первой же команде врубился в толпу авганцев. Алиханов подскочил к остальным, крикнув: "Умрите тут все, или истребите их!" — и джигиты тогда дружно бросились в шашки.

Заметив движение неприятельской конницы на нашу, фланговые части сводного Закаспийского стрелкового батальона открыли по ней огонь: залпами часть правофланговой цепи 3 роты 3 батальона, ротный резерв той же роты и 2 роты того же батальона. Прочия части батальона продолжали в это время свое наступление.

Туркестанцы еще раньше отбития этой контр-атаки открыли огонь по авганской конной колонне в 200 ч., стоявшей уступом назад на их крайнем левом фланге. Цепь 1 роты (штабс-капитана Турне) обстреливала ее залпами. Авганцы открыли огонь с коня, явно несли большие потери и после 3 залпа отхлынули с бугра вниз к р. Кушке, где пытались строиться. Тогда цепь 1 роты была удлинена всем ротным резервом справа и этот участок ее продолжал стрелять по коннице у р. Кушки, а левый участок цепи 1-й роты перенес свой огонь в тыл авганской батареи на бугре. 2-я же рота туркестанцев, шедшая уступом вперед 1 роты, вела огонь против конницы, бывшей против фронта Алиханова. По коннице же, заскакавшей в тыл Алиханову, дал два залпа 2 взвод 2 роты туркестанцев, бывший в ротной поддержке под командой унтер-офицера Кузьмы Ожгибесова. [65]

Контр-атака была опрокинута, часть ее полегла, прочие рассеялись. Авганская конница бросилась за р. Кушку в полной панике, прыгая с обрывов бугра, толпясь густыми массами и у брода и моста, неся большие потери под нашим огнем.

Под нашим частым огнем авганская пехота попряталась в свои траншеи с бойницами для стрелков; пушки их все действовали через амбразуры, будучи хорошо прикрыты окопами.

Затем, спешенные части Алиханова, к которым присоединились и Мервские милиционеры, двинулись с туркестанцами на авганские траншеи и батарею на бугре, а Сводный Закаспийский стрелковый батальон атаковал в штыки равнинный участок Кушкинской позиции авганцев.

Авганцы подпустили атакующих шагов на сто к своим траншеям, отстреливаясь мужественно и только не выдержали натиска на ура, хотя в отдельных группах геройски защищались.

По свидетельству туркестанцев, огонь авганских траншей на бугре был силен, особенно против казаков; в образовавшиеся интервалы своей цепи, туркестанцы ввели 3 взвода 6-й роты (шт.-капитан Плешков) огонь наш стал живей, огонь авганцев стал затихать, видны были у них потери, из ложементов стали отходить менее стойкие, кто вдоль хребта к мосту, кто прямо к обрыву и р. Кушку, где у бродов сильно толпились теперь и пешие с конницей. 2 и 4 роты шли по бугру, 1-я б. ч. по низине на берегу Кушки и вела удачно огонь по отступающим. Трупы людей и лошадей валялись по обоим берегам речки, темнели в русле и уносились ее быстринами; 3 рота тоже вела огонь. Массы отступающих, отстреливаясь, группировались все ближе к изгибу у моста,

[66] провожаемые огнем 1 и 3 роты. 2 и 4 роты очищали в это время окопы от авганцев на бугре, совместно с казаками и милиционерами, причем авганцы очень упорно обороняли батарею, где принял участие в рукопашном бою 2-й взвод 4-й роты с казаками, взяв 2 орудия из 4-х ²². Знамя оборонявшегося на бугре батальона было взято временной Мервской милиции урядником Иолотанским сарыком Аман-Клычем, знакомым уже нам как начальник Кизиль-Тепинского поста и по своему лихому ответу авганскому генералу.

За 2 и 4 ротами туркестанцев, непрерывно наступавшими по бугру к мосту и ведшими огонь, по краю его обрыва к Кушке шла 3 рота, стрелявшая по отступавшим, и 1-я шла низиной, сжимая противника от бродов к мосту. Полковник Казанцев спускаясь с обрыва к 1 роте, подвергся внезапно нападению и выстрелам несколько авганцев, выскочивших из арыка. Находившиеся вблизи рядовые 1-й роты Николай Мурашев, Антон Нефедов и Михаил Павлов, дав по выстрелу, бросились и после короткой штыковой схватки уложили авганцев, причем Мурашев получил удар прикладом в руку, Павлов по кисти руки, а Нефедов рану штыком в бедро. Все трое, легко раненные остались в строю. Исправлявший должность штаб-офицера капитан Осипов распоряжался энергично действиями правой части туркестанской цепи.

Артиллерия наша в этот период боя помогала пехоте своим огнем и сообщением дистанций. Выехав на позицию тотчас по завязке боя, она стреляла во фланг и тыл авганцам, потом по переправам, где **[67]** толпился противник, затем по его толпам, строившимся на высотах другого берега и по орудиям, действовавшим с Ак-тепе.

С начала боя неприятельская артиллерия, не меньше 6 орудий, вела частый огонь по Закаспийскому стрелковому батальону, по цепи и резервам, с бугра, долины и с Ак-тепе. Закаспийские стрелки обратили свой огонь на авганские батареи. Одно отделение 3 роты 3 батальона, по командам подпоручика Косьмина, своими залпами быстро заставило замолчать два авганских орудия. Подойдя перебежками на близкое расстояние к траншеям, цепь с резервами бросились одновременно на них. Неприятель не выдержал схватки и бежал к мосту, бросив 3 орудия. Знамя оборонявшегося здесь батальона взял 6-го Закаспийского батальона взводный унтер-офицер Кобылка.

Авганцы не оставляли попытки оборонять правый берег Кушки и строились на южном краю лагеря, конница южнее пехоты, в то время как единственное их орудие действовало с Ак-тепе.

Дойдя до конца бугра 2 и 4 роты туркестанцев заняли его оконечность и продолжали огонь по авганским пешим толпам за мостом, а 1 и 3 роты по толпам конницы.

Конница Алиханова по западному краю и скату бугра, достигнув моста, села на коней и стала переходить через Кушку. Мост же был уступлен нашей пехоте, и Туркестанцы и Закаспийцы двинулись через него. Конница наша за Кушкой рысью выехала на холмы авганского лагеря, с которых уже отступили авганцы, не выдержав нашего огня и ударившись в полное паническое бегство.

Войска прошли лагерь и расположились к востоку от него, преследуя авганцев огнем. Авганский **[68]** отряд с правого берега Мургаба тоже бежал вверх по долине.

Англичане с раннего утра поместились на бугре у могилы пендинского святого Ак-Джана, наблюдали, бой и затем отступили с авганцами.

Огонь массовый затих, но отдельные выстрелы долго слышались.

Авганцы не в большом числе попрятались по рытвинам поля боя и под мостом и стреляли в наших. Посланы были по окрестностям наши патрульные партии обыскать складки местности и выбить этих затаившихся.

Лагерь занят нами около 8 часов утра, еще через 2 часа были перебиты или переловлены и все укрывшиеся фанатики.

20. Отсутствие преследования.

Генерал Комаров не позволил преследовать авганцев и даже вернул сотню, двинутую было к Пенде для этого. Стратегии был поставлен политикой предел — "непреследованием" подчеркнуть умеренность наших требований, поддержанных силой оружия, об очищении левого берега р. Кушки.

Около полудня капитан Йет прислал одно за другим два письма подполковнику Закржевскому.

В первом прочли: "Доктор Оуэн просит меня написать Вам, чтобы предложить услуги на случай, если количество раненых у Вас не под силу Вашим врачам. Если примете его предложение — пришлите ему конвой из туркмен" и проч.

Во втором: "Позвольте просить назначить мне свидание и сказать, что при настоящих обстоятельствах положение наше не безопасно, и мы просим Вас о покровительстве и конвое" и проч. [69]

В докторе Оуэне мы не нуждались и отвечать не хотели, а для оказания помощи англичанам послали подполковника Закржевского с 3 офицерами и несколькими джигитами в Пенде. Когда Закржевский приехал в аул, где жил Йет, то, увидав вдали его, удаляющегося со своими всадниками и оставившего сказать через жителей, что уехал, думая, что письмо не дошло. Закржевский приказал двум джигитам нагнать англичан и сказать, что Закржевский прибыл для беседы и выполнения их просьбы. Джигиты нашли капитана Йета, окруженным конвоем из бенгальских улан и толпою конных бежавших авганцев. Выслушав джигита, англичане уклонились (!) от всякого ответа.

21. Добыча и потери.

Нам достался в добычу полный лагерь авганцев с запасами продовольствия (мукой и ячменем), вся артиллерия, 8 орудий с зарядными ящиками и артиллерийскими припасами, большое количество пороха и свинца, множество барабанов и труб, большое количество сотенных значков, два батальонных знамени, большой бунчук, 70 верблюдов. В лагере валялось множество платья, белья и мелких вещей домашнего обихода, а по полю сражения много ручного оружия и обуви. Убитых, определенных на глаз в 500 чел., оказалось втрое больше. Пленных в виду отсутствия преследования, взято немного — 24 человека: 7 не раненых и 17 раненых, один из них найден закованным по ногам и за шею. Сам Наиб-Салар считал свою потерю более 1 т. чел.; из числа бежавших более половины оказалось раненых. Много пострадало авганских начальников. Сам Наиб-Салар ранен двумя пулями в бедро, убиты один [70] Карнель, два капитана, начальник Хазарейской кавалерии Шир-хан. Наша потеря была, сравнительно, не велика. Убито у нас 9 человек и 7 лошадей и одна пропала, ранено 22 чел. и 11 лошадей, ещё контужено 23 человека. Патронов истрчено 134230 штук (т. е. от 100 до 200 патронов на одного убитого авганца) и 28 снарядов (11-ть обыкнов. гранат и 17 картечных гранат). Больше всего пришлось потерь на долю конницы и Сводного Закаспийского стрелкового батальона; туркестанцы отделались легко.

Из офицеров убит прапорщик милиции Сеид-Назар-Юз-Баши, из нижних чинов убито 7 Закаспийских стрелков и 1 милиционер.

Ранены: два обер-фицера — командир 1-й сотни, сотник Кобцов (тяжело) и подпоручик Хабилов 6-го Закаспийского стрелкового батальона (легко); нижних чинов: 11 в Закаспийском батальоне (тяжело 3), 2 в Кавказск. казач. сотнях (тяжело 1), 2 в Туркестанском батальоне (легко) и 2 в милиции.

22. Разведка за отступавшими.

За аванганцами была послана разведка из одиночных туземцев по разным направлениям, а 21 и 22 марта капитан Прасалов и полковник Алиханов, каждый с сотней; первый с джигитами на Кала-и-мор, а второй с казаками на Меручак. Офицеры эти, пробыв в пути несколько суток, подтвердили и дополнили показания разведчиков. Затем разведки об отступлении продолжались, капитан Прасалов их собрал в общий экстракт, и нам представилась такая картина.

Так как кратчайший путь в Герат по долине [71] Кушки (215 вер.) был нами перехвачен почти, то главная масса беглецов пошла круглым путем в 240 вер. на Меручак, Бала-и-Мургаб, Туршик, Ба-бали Кала-и-Ноу, источник в 23 вер., по пути в г. Кушк, г. Кушк, перев. Хазрет-баба, в Герат прибыли 28 марта, после 9 переходов от 10 до 50 вер. в сутки, при 2 дневках, т. е. на 11-й день. По пути много перемерло от ран, стужи и болезней. Погода стояла холодная, сырая, а на перевале снег и мятьель. Пехотные же солдаты и артиллеристы, б. ч. босые. Ружья были у большинства, среди них было большинство солдат, бывших вне поля боя, на правом берегу Мургаба. Ночлеги без лагеря и продовольствия быстро подрывали силы. Морозы на гератских перевалах успокоили навеки

многих. Обоза не было вовсе. Авганцы старательно обходили аулы сарыков. Все авганские посты, узнав о поражении авганцев, отступили в Кушк, Гюрлен и Герат по всей линии до персидской границы. Паника была столь велика, что авганцы в первый день сделали более 40 вер. до Меручака, где был первый ночлег главного ядра беглецов. Англичане шли с ними. Авганцы не скрывали к ним враждебного отношения.

В городе Кушке беглецы вышли на прямой путь к Герату от Таш-Кепри, где, конечно, мы их предупредили бы, если бы гнались наперерыв. В Кушке собралось 1 т. (600 кон., 400 пеших).

Здесь состоялось свидание беглецов с авганскими начальниками и англичанами, прибывшими им на встречу 25 — 26 марта, извещенными о поражении гонцами. Из Герата прибыли: Наibuль-Хукуме, Супа-Салар и вельможа от эмира. Выслушав доклад Джарнеля о причинах, ходе и последствиях боя, последний был в негодовании и ярости и приказал [72] отрезать нос и уши начальнику конницы и 4 кавалерийским офицерам за то, что конница первая подала пример к бегству, Джарнель выставил полковника Алиханова главным виновником обострившихся отношений и самого столкновения. Англичане стушевались, генерал Лемсден, капитан Бергет, капитан Мерс не хотели верить, что русские не пошли дальше левого берега Кушки и на ночь ушли за реку, оставив в Ак-тепе только караул.

В это время прибыл в Кушк русский гонец от генерала Комарова с письмом к Наиб-Салару. Все были заинтересованы тем, что пишет генерал. Нашего посланца схватили и привели на тайное заседание, где должно было быть прочитано письмо.

23. Чисто-русское великодушие.

Авганцы (это их хорошо рисует) были уверены что победитель наполнил письмо издевательствами над разбитыми и беглецами; в Азии это одно из наслаждений победоносного полководца. И конечно, в безсильной злобе, авганцы вымостили бы горечь насмешки на посланце генерала Комарова.

Вот что они прочли: "Высокостепенному, славному и благородному Наиб-Салару-Тимур-шаху. После добрых пожеланий, считаю необходимым уведомить Вас, что люди, попавшие в плен, из состава вверенных Вам войск, освобождены и отправились домой, снабженные продовольствием и деньгами на путевые расходы. 17 человек раненых лечатся в госпитале и по мере выздоровления будут точно также возвращены Вам. Все убитые похоронены мусульманами и по-мусульманскому обряду. Вы можете быть спокойным, я добился только того, чего желал, и даже не переносу своего [73] лагеря через Кушку. Остаюсь с авганскими войсками и подданными в добрых и дружественных отношениях, без всякой враждебной цели". Командующий войсками генерал-лейтенант Комаров.

Слушатели были поражены. — "Так может поступать только великий народ!" — вырвалось у одного из них.

Так поступил "Великий" народ, а как продолжали поступать его противники?

24. Результаты боя.

Английские газеты кричали, что война с Россией — единственное удовлетворение за бой 18 марта 1885 г. для Англии и Авганистана, и деятельно готовились к ней. Абдурахман был назначен главнокомандующим соединенных сил. Английские члены пограничной комиссии стали совершенствовать укрепления Герата. В Северной Индии производились мобилизации, транспорты оружия готовились там для Авганистана. Мы тоже были готовы привести в исполнение вышеуказанные §§ нашего плана войны в Средней Азии. Подписывая согласие на это, Государь приписал: "Я все-таки надеюсь, что до этого не дойдет".

И не дошло — благодаря Его твердости.

В задоре своем англичане присылали целые вороха фактов, выставившие поступки г. Комарова в самом черном цвете. Генерал Комаров отвечал на все ясно, коротко и разил до смерти каждый сфабрикованный англичанами довод. Наконец, это стало его оскорблять и он написал, что "никогда не добьются до правды, если верить бродячим английским офицерам, всегда склонным исказить в свою пользу факты". [74]

Англичане продолжали стоять на своем и предложили передать разбор Ташкепринского боя одному из монархов великих держав на суд. Государь отвечал, что вообще говоря, не прочь от такого способа в политике, но в данном случае — в деле чисто боевом — не видит оснований не доверять своему генералу, и объявил вопрос исчерпанным²³.

А тут Абдурахман вдруг опомнился и поразил англичан решением — что "из-за Пенде воевать не стоит". Тогда Пенде объявили нейтральным до конца разграничения, которое было поручено новым комиссиям, снабженным такими согласными инструкциями, какие следовало дать с самого начала, и граница была скоро установлена со включением к нам Пенде. Но, за эту уступчивость англичан, мы снова решили, их облагодетельствовать и согласились отнести наш рубеж на 30 верст в безводную мертвую пустыню от намеченного нами культурного, живого рубежа между Мургабом и Аму-Дарьей.

Так легко умиляется русское сердце и легко прощает врагам своим.

25. Выводы.

В политике, как и в стратегии, нельзя идти наперекор вещам — жизнь тотчас это обнаружит, но на горьком опыте. Нашей политике, наверное, не пришлось бы вызывать на сцену вооруженную силу, если бы при авганском разграничении она объявила Англии, как сделала это при персидском, что это домашнее наше дело, не терпящее постороннего вмешательства. [75]

С другой стороны, если бы наша политика лучше знала своего соперника, Англию, ей удалось бы гораздо раньше предупредить свою стратегию о возможности военного конфликта и та изготавилась бы гораздо раньше и заняла бы сильной вооруженной рукой нашу естественную границу, а в частности Таш-Кепри и Пенде, раньше утверждения там авганцев, без необходимости их оттуда выбивать.

Стратегия же наша повинна в том, что из расчетов материальных — слишком затянула усиление Закаспийских войск, до степени той грозности, которая одним видом своим отбила бы охоту у противников состязаться с нами оружием.

Дождаться прибытия войск из Туркестана и Закавказья для образования достаточного Мургабского отряда, чтобы не оголить недавно покоренной Туркмении — не следовало. Всегда без особого риска можно было собрать к Таш-Кепри 3 батальона и чисто закаспийских, с некоторым риском, не больше. Тогда бы мы явились у Таш-Кепри в огромном превосходстве сил сравнительно со слабым первоначально Ак-Тепинским отрядом противника, и наше требование очистить Таш-Кепри было бы исполнено безкровно.

Затем, раз поставлена задача чисто военная — занять Таш-Кепри, Акрабад и Зюльфагар — всякое вмешательство политики нужно было оставить до исполнения этой задачи, ибо, все равно, это не могло устранить столкновения, но ставило стратегию и тактику, а с ними и успех задачи, в самое рискованное положение, да и вредило это нашему обаянию в Средней Азии.

Говорить — "уйдите тотчас", больше переговоров не будет... и тотчас снова переходить на бесплодные разговоры — едва ли логично, даже политически. [76] Приказать сбить врага с позиции и запрещать употреблять первым оружие, ударить и не развивать успеха до конца преследованием, до захвата русской рукой всех коноводов и авганских и английских "Таш-Кепринской истории" — это значило уменьшать значение удара и дать дерзость надеяться на не заслуженную милость другой раз.

В частности, обход по пескам был бесполезен, так как выводил лишь к простому охвату, достигавшемуся проще, по пути, избранному конницей. Да и какой это обход, если внезапность появления уничтожилась, как подготовка удара, условием ждать почина удара от врага. Горной батареей не воспользовались, чтобы картечью разгромить авганскую конницу в самой короткий срок, более надежно, чем из пешаго строя конницы и от случайных залпов пехоты. Назначение горной батареи на Мургабские холмистые равнины и назначение полевых орудий для Зюльфагара — как раз было наоборот обстановке.

Конные туземные милиции еще Скобелев не одобрял и боялся, что оне могут не оказаться в серьезную минуту на высоте боевой русской лихости. — Но после хорошей тренировки они драгоценны, особенно для малой и партизанской войны.

Словом, бой этот мог бы не произойти вовсе, или произойти с меньшим риском. Хорошо в нем, ко-

нечно все, что может внести поправки в наши действия в будущей возможной встрече с англо-авганцами. И будет оскорбительно для наших потрудившихся под Таш-Кепри предшественников, если мы не воспользуемся опытом, добытым ими пролитием, хотя малаго количества, но все же драгоценной русской крови.

Но не этим знаменит Кушкинский бой — а тем впечатлением, которое он произвел на все страны, входящая в состав Средне-Азиатского театра — это был [77] огромный нравственный выигрыш нашей политики и стратегии, который будет нести свой плод и в будущем. Прозорливейшие люди на нашем Средне-Азиатском фронте всегда учитывали возможность утилизации против нас, нашим соперником — Англией — Средне-азиатских народов, на которые мы опоздали распространить наше влияние. Хива, Бухара, Кокан, Ахал-теке считают себя погибшими только потому, что английская поддержка была далека, а народы эти менее воинственны, чем те, которые еще оставались в глубинах Средней Азии. И вот совершилось наяву, что считалось только химерой: авганский отряд вооруженный и "руководимый англичанами" ²⁴, отряд войск наиболее воинственного и победоносного над европейцами ср.-азиатского народа, был наконец противопоставлен "на пробу" нашему военному могуществу, причем от плода пробы этой "зависел мир или война в Средней Азии", и то или другое отношение к нам в будущем ея аборигенов и наших соперников. Бой был кризисом нашего глухого соперничества с Англией в Ср. Азии. И "кризис" нашим превосходным начинаниям в Средней Азии, благодаря военному искусству Пушкинских героев, прошел в нашу пользу. Воинственнейший народ Ср. Азии, не допускавший возможности поражения от русских, получил его в мере "большей", чем все другие, и при обстановке более "торжественной". Ужас, неподдельный ужас, охватил всех, кто ждал с тайным биением сердца исхода неминуемой кровавой встречи на берегах Кушки, и этот страх сделал средне-азиатцев осторожнее, сдержаннее, почтительнее. И в будущей боевой встрече с ними, где бы она ни произошла, им будет чудиться и смущать их дух этот "прежний" урок русского военного искусства.

А. Шеманский.

Примечания

1. Означенное сообщение представляет собой весьма краткий конспект готовящейся к печати книги: "Бой на р. Кушки у Таш Кепри, на фоне нашего разграничения с авганцами при содействии Англии в Закаспийском крае. (Книга печатается в г. Асхабаде, г-м Федоровым, редактором "Закаспийского Обозрения)". Оно также вошло в доклад, сделанный полков. Шеманским в Петербурге в день 25-и летнего юбилея боя в И. Р. В. И. обществе.
2. Так-же участвовали в депутации к Скобелеву.
3. К. Скальковский.
4. Хорош вассал! Попробовали-бы это сделать Бухарцы!
5. Где, у морских берегов, были возможны английские десанты.
6. 1-й батал. — в Красноводске и Кизил-Арвате, 2-й — Геок Тепе; 3, 5 и 6 — Асхабаде, 4-й: — Чикишляре, Ходжам-Кала и Яглы-Олуме; ж. д. баталион по линии ж. д. Красноводск-Кизил-Арват; батареи — Асхабаде; Лабинцы на Атреке; Таманцы от Кизил-Арвата до Асхабада, Кавказцы от Асхабада до Мерва, в Има-Бабе и Пули-Хатуме.
7. Конвой англичан.
8. От Мерва до Пенде 210 вер. и далее до Асхабада 323 вер.
9. С Кавказа ожидалось сюда 5 и 6 сотни Кавказцев с Полковым Штабом к 25 февраля и 14 марта, т. е. через полтора-два с лишним месяца.
10. Одна сотня Туркменской милиции стояла небольшими постами по всей области, другая вновь формировалась в Мерве.
11. Слух, что Мерв может взбунтоваться на английские деньги.
12. Тыл, база авганского отряда!
13. Характеристики "туркестанского" баталиона мы не касаемся: он был едва-ли не выше закаспийской пехоты, по качеству.
14. X=шагу.

15. Лицемерно или нет?!

16. Сарыки, присутствовавшие на совещании, отказались принять участие в бою, хотя раньше 18 марта было избрано днем выставления ими сильной милиции на английския деньги, не менее одной тысячи стрелков.

17. Туркменские ханы, почетные старшины с их свитой и 18 всадников ахал-текинской милиции.

18. Сырой туман и накрапывавший слегка дождь дурно влияли на авганския пистонныя ружья.

19. ½ батарея не могла идти за этой колонной и была присоединена к коннице, до выхода Туркестанцев из песков, когда снова к ним переехала.

20. Сводный баталион и с 2-х и 3-х рот 3-го и 6-го Закасп. стрелков. баталионов.

21. Вооружена только саблями.

22. При чем храбростью здесь отличались 4 роты старший унтер-офицер Балабанов, унтер-офицер Палимов и рядовой Трофим Корелин.

23. А тут поднялось серьезное движение в нашу пользу племен, населяющих Сев. Авганистан (джемшиды, хазарейцы, узбеки).

24. Донесение ген. Комарова.